

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ты - Моя
ВЕРА
ЯНА ВОЙНОВА

Яна Войнова

Ты – Моя Вера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68964528

SelfPub; 2023

Аннотация

Ей 18-ть. Её трогать нельзя. Стас слишком жесток и порочен для нежной красавицы. Но его внутренний зверь млеет, когда Анна ему улыбается. Когда же её изумрудные глаза устремляются на него, где-то в укромном уголке души просыпается вера в искреннее нелепое чувство... сокрушительное и опасное. Разумнее бежать стремглав от губительного соблазна. Ему ведь ничего не стоит её сломать. Или всё же это будет ОНА... та, кто уничтожит в нем Зверя? История олигарха Станислава Волкова и пианистки Анны

Содержание

Глава 1	4
Глава 3	38
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Яна Войнова

Ты – Моя Вера

Глава 1

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

Ей восемнадцать. Ее трогать нельзя. Он же не больной извращенец, страдающий педофилией. Эта маленькая леди является нерушимым ТАБУ даже для такого влиятельного человека, как Станислав Волков, которому позволено многое, если не все.

Стасу, выходцу из богатой семьи, удалось не только увеличить капитал своего деда, но и построить могущественную финансовую империю в весьма жестких реалиях современного бизнеса. Ему теперь никто не указ. Наоборот, все стараются прогнуться под Волкова и играть по установленным им правилам. А нежелающих он ломает, не щадя и не испытывая ни малейших угрызений совести. Но эта девушка...

Отец юной красавицы – владелец ювелирного завода “Монарх” и сети магазинов с одноименным названием. Стас Волков давно состоял в партнерских отношениях с Монастырским. Александр Петрович даже приобрел несколько акций одной из многочисленных компаний Волкова, чтобы оплачивать счета благотворительной организации своей жены Ма-

рии. Он был хорошим человеком. Добродушным, но строгим и порядочным. Стасу он нравился. Несмотря на логичные доводы, бесполезно приводимые разумом, девочка-наваждение призывно манила Стаса, а ему ни в коем случае нельзя было поддаваться губительному соблазну...

Он увидел Анну на благотворительном вечере, организованном ее матерью. Увидел и обомлел. В прямом смысле. Монастырский долго уговаривал его прийти, но Волков отнекивался. Пиар служба Стаса чуть ли не на коленях со слезами на глазах умоляла занятого олигарха найти время и посетить светское мероприятие, чтобы у них появилось хоть что-нибудь для публикации в прессе. Посетил, мать его... На свою голову...

Благотворительный прием, проводимый семьей Монастырских, проходил в огромном концертном зале. Зайдя внутрь в окружении охраны, не оставлявшей олигарха ни на одну минуту, Волков встал как вкопанный. Стас уставился на сцену, не сводя глаз с прекрасного юного создания в длинном белоснежном шифоновом платье. Девушка-наваждение с иссиня-черными волосами мило улыбнулась публике, слегка поклонилась и села за стоящий в правом углу зала огромный белый рояль. А потом она начала играть... Волков не разбирался в классической музыке, но эта волшебная мелодия лилась из-под тонких пальцев юной брюнетки, увлекающая его за собой. Трогательная и лиричная, она словно проникала в его давно огрубевшую душу, нажимала на какие-то

внутренние кнопки, причиняя одновременно жуткую боль и мучительное блаженство.

В этот момент Стас почувствовал себя полным кретином. И небось выглядел так же, стоя с открытым ртом посреди зала полного пришедших гостей. Естественно, так как шеф не сажился, вся его бравая охрана тоже стояла, не шелохнувшись, на посту. Шесть здоровых мужиков в черных костюмах посреди огромного зала, а он седьмой – идиот в смокинге. Краем бокового зрения он замечал недоуменные взгляды светской элиты. Только вот ничего поделать с собой не мог. Как замороженный побежденный змей, Волков не имел сил отвести немигающего, зачарованного взгляда от проворной молодой заклинательницы, у которой вместо дудочки были черно-белые клавиши.

Когда юная красавица закончила играть, она встала из-за инструмента, вновь поклонилась под бурные аплодисменты публики, и устремила свои темно-зеленые глаза на него. Стас смотрел на нежное создание, а его изнутри окатило взрывной волной. Он ощутил благоговейный трепет вперемешку с яростным, диким, почти болезненным, страстным желанием. Девушка обвела взглядом всю его стоящую в сплоченной шеренге охрану и, заметив его вытянутое, застывшее лицо с открытым ртом, кажется, хихикнула, а затем удалилась со сцены. Волков отмер, вспомнив, что нужно дышать и недовольно скривился. Дожил. Над ним уже молоденькие девушки посмеиваются. Он отвернулся, затряс головой, словно же-

лал отмахнуться от колдовского наваждения, и прошел между рядов многочисленных столиков. Стаса окликнул Карен, один из немногочисленных друзей и верный пес его “империи”.

Когда Волков подошел к столику с именной табличкой, сидящий Карен протянул ему накрахмаленную белую тканевую салфетку. Стас вопросительно поднял бровь.

– Это чтобы ты слюни вытер. А то уже по подбородку на пол стекают, – ехидно сказал с сильным армянским акцентом приятель, поглаживая свои ухоженные черные усы.

– Иди ты, – отрезал Волков. Только одному этому остряку и позволялись наглые высказывания в адрес Волкова. Любого другого – придушил бы. С Кареном они выросли вместе. Его мать Армине уже около сорока лет работала в богатом доме Волковых. По сути, она заменила Стасу родную маму, а Карен стал ему братом.

– Красивая девушка. Только она – дочь Монастырского. К таким идут либо сразу с кольцом, либо сразу на хуй, – сострил этот шут гороховый.

– Ты уймешься уже? – шикнул на него Волков.

– Стас, я не понял, что мы здесь делаем? – поинтересовался Карен. – Я люблю армянскую музыку. И танцы. Поехали к маме, я ей звонил, она хаш приготовила, хоровец, тжвжик. С чего я должен кушать вот это непонятное с зеленью? Оно же отравленное! – возмущался Карен, когда перед ним поставили изысканное и дорогое блюдо из ядовитой рыбы фугу.

– Монастырский пригласил. Между прочим, это вкусно. И перестань нудить, пожалуйста, – шикнул Стас на вечно недо-вольного друга.

– Хашлама по-севански у моей мамы – это вкусно! А эту отраву пусть сами едят! И ты не кушай, пожалуйста. А то я нервничать буду. Сурен, – окликнул он его на армянский манер, – давай просто денег дадим и уедем отсюда? Я не могу больше слушать эту похоронную музыку.

– Да, Карен, не любитель ты классики, – хмыкнул Волков, одной силой воли заставляя себя не поворачивать головы и не искать глазами девушку-наваждение.

– Я любитель всего армянского и моей мамы, – бурчал Карен. – А еще у меня четыре дочери, и каждой я должен приданое подготовить и молиться, чтобы вдобавок еще и четверо будущих зятьёв не сели на мою шею! Нет у меня времени на всю эту классическую порнографию! Давай уйдем, я тебя прошу! Мы уже сфотографировались у входа, пиар служба в восторге. А не то, еще пару минут и я сам взвою как настоящий армянский дудук!

Стаса тоже напрягали светские мероприятия. Он бы с удовольствием закопался сейчас в цифрах, отчетах, где все ясно, четко, структурировано и понятно. А не впустую тратил бы время на эту белиберду. Однако его пригласил сюда друг, а хороших друзей у Волкова было аж целых два: Карен и Монастырский.

– Давай поздороваемся и уходим, – согласился он.

– Փառք Շինժն (*пер. с армянского – Слава Богу!*), – с облегчением выдохнул Карен. – Я себя в этом смокинге пингвином чувствую!

Они подошли к хозяевам мероприятия, чете Монастырских, которые регулярно устраивали пышные благотворительные вечера, собирая деньги со своих богатых и знатных гостей для детей больных аутизмом.

– Стас, я так рад, что ты нашел время и заглянул! – воскликнул Александр Петрович. – Мария очень тебя ждала на этом вечере, – он тепло посмотрел на обворожительную жену и обнял ее за талию.

– Это правда, Станислав Георгиевич, – ответила Мария Монастырская. – Вы с моим мужем совсем уж заработались. Надо же когда-нибудь выбираться из ваших скучных серых офисов. Ладно мой Александр Петрович, но вы, молодой, неженатый мужчина... может быть, вы окажете честь присутствующим дамам и потанцуете с кем-нибудь? А то столичные светские львицы горючие слезы пускают по такому импозантному холостяку. Кто знает, возможно, вы встретите сегодня свою судьбу, – хозяйка вечера хитро стрельнула глазками и изящно преподнесла бокал дорогого шампанского к губам.

Карен на последних словах Монастырской закашлялся так сильно, что Стасу пришлось несколько раз стукнуть его по спине. А Александр Петрович рассмеялся:

– Мария, ну что ж ты... прошу простить мою супругу за

бестактность. Ей дай волю, всех бы переженила!

– Правильно, человек не должен быть один, – улыбнулась его супруга, ласково глядя на мужа. – Тем более, солидному бизнесмену крайне необходим крепкий и надежный тыл.

У Волкова появилось стойкое ощущение, что ему на что-то намекают, причем дерзко, прямо в лоб, что крайне не принято в их кругах. Только вот он никак не мог понять, по какой причине ведется сейчас этот разговор. Но когда Стас заметил, что к ним подошла одна гостья вечера, до него тяжело, но, кажется, стало доходить.

– Аннушка, позволь тебе представить моего давнего приятеля, Станислава Георгиевича, – сказал с отцовской гордостью Монастырский, представляя ему девушку. – А это, моя дочь, Анна.

– Очень приятно, Станислав Георгиевич, – задорно заговорила девочка-наваждение и, смущаясь, улыбнулась. На ее щеках появились маленькие смешные ямочки. Она прямо смотрела на него своими огромными зелеными глазами: чистыми, невинными. А он... вновь молча уставился тупым пнем на дочь своего друга, стал столбом и не мог сдвинуться с места или отвести безумного, голодного взгляда. Жгучая потребность и адский порыв захватить, подчинить, присвоить себе – забурлили на полную мощность. Ему пришлось даже стиснуть зубы и сжать кулаки, чтобы не поддаться дьявольскому искушению, и не утащить ее куда-нибудь в укромное место. Волков таращился на девушку точно при-

падочный извращенец. Как бы со стороны его неподобающие поведение не выглядело, Стас почувствовал, что хищный зверь, пожирающий его изнутри, оскалился и замер, готовясь к прыжку, к яростному нападению. Сколько лет он старательно изо всех сил держал его запертым в клетке, а сейчас дикое животное заметалось внутри... Голодное, злое, обезумевшее от пленительного взгляда и цветочного запаха девочки-наваждения. Нельзя допустить, чтобы Волков снова потерял над собой контроль, и ужасное чудовище вновь вырвалось наружу! Единственный выход: позорно сбежать.

Без объяснений, без извинений, не говоря ни единого слова, Стас резко развернулся и под удивленное оханье присутствующих просто ушел. Догнавший его уже на улице Карен сказал:

– Сурен, если ты хотел уйти по-английски, зачем мы тогда к ним подходили прощаться? К чему такие сложности? Можно было не напрягаться вовсе и просто послать смс!

Поставив руки на капот машины, Стас старался привести свое дыхание в норму. Его внутренности скрутило и словно вывернуло наизнанку. Слишком знакомое состояние. Слишком опасное. Для него жуткое, а для окружающих губительное.

– Заткнись, – тяжело выдохнул он, жадно глотая воздух.

– Стас? Что с тобой?

– Срочно организуй мне поездку в Швейцарию. Завтра. Нет... сегодня! – отрывисто шептал он.

– Стас?

– Ни слова о Монастырском, – стальным тоном приказал он. – Я больше ничего не хочу о нем знать. Слышать, видеть. Закрой с ним все наши дела. Срочно!

– Да в чем дело, ты можешь объяснить? – обеспокоенный Карен удивился.

– Ольга. Ирина, – выдохнул он. – Анна Монастырская может стать следующей, – не желая вспоминать страшные, жуткие моменты его жизни, наконец, признался он. Карен его поймет. Он самый близкий ему человек. Единственный, кто может прочесть его с полуслова.

– Да чтоб тебя! – расстроенный Карен злобно поджал губы, прекрасно осознавая, что Стасу срочно нужна помощь, специфическая, индивидуальная реабилитация. Только он и его мать были в курсе, чем именно будет занят “великий финансист столетия”, как назвали Волкова в одном бизнес издании, в мнимой командировке в Европу. – Ясно. Все сделаю. В Швейцарию надолго?

– На полгода. Там посмотрим, – ответил Стас. Он должен сейчас, сию минуту, оборвать все связи с этой семьей. Плевать, что Монастырский не поймет и обидится. Плевать, что Александр Петрович просил его завтра встретиться для конфиденциального разговора. Волкову стало на все плевать. Надо срочно бежать! Спасаться! Потому как в одних темно-зеленых девичьих глазах он увидел страшное: свою погибель...

— Аннушка, — обратился к ней отец, как только они вернулись с благотворительного вечера. — Мне предстоит деликатная беседа со Станиславом Волковым касательно тебя.

— Меня? — удивилась Анна, с радостью скидывая с себя новые туфли, которые сильно натерли ногу.

— Дочь, присядь, пожалуйста, нам с отцом надо серьезно с тобой поговорить, — строго сказала ее красивая элегантная мать. Анна послушно уселась в кресло в гостиной.

— Я намерен договариваться о вашей свадьбе, — заявил ее отец.

— Что?! Я же даже его не знаю! — возмутилась Аня.

— Аннушка, — терпеливо стал объяснять папа, — когда ты выбрала себе специальность мы с мамой не стали идти наперекор твоему желанию. Ты захотела учиться в консерватории. К тому же у тебя талант. Но, учитывая... особенности твоего брата, — папа грустно замолчал на пару мгновений. Ее мать ласково положила руку на плечо мужа, поддерживая его. — Кто будет руководить заводом? Мне нужен наследник, который после моей смерти, продолжит дело Монастырских и позаботится о моих детях!

— Папочка, что за глупости? Ты никогда не умрешь! — решительно заявила Аня. Подпрыгнув с места, подлетела к отцу, обняла и поцеловала в щеку: — Ты будешь жить вечно!

— Негодница и подлиза, — пробурчал довольный отец.

— Папа, я не хочу замуж. Я хочу заниматься музыкой.

– Я устрою брак таким образом, чтобы он не мешал твоей творческой реализации, – отмахнулся отец. – Все для моей любимой принцессы!

– Папа, нельзя же отдавать меня за первого встречного! – возмутилась Анна. – Я даже не думала о замужестве! И я хочу, как у вас с мамой, по любви, а не вот так вот...

– Стас Волков далеко не первый встречный, – возразил отец. – Он мужчина солидный, надежный.

– Он старый!

– Анечка, я старше твоей матери на двадцать лет. У вас с ним такая же разница. Да и возраст браку не помеха.

– Но папа...

– Анна, не капризничай, – резко перебил ее отец. – Мы с твоей матерью все решили. Если Волков согласится, ты выйдешь за него замуж!

– Но я не хочу... тебе вообще не интересно мое мнение?! – Анна обомлела. Ее любящего, обожающего и выполняющего каждую ее прихоть отца словно подменили. Он редко проявлял свой гнев, но сейчас Анна увидела на его пожилom лице хмурые складки и насупленные брови.

– Совершенно, – отрезал отец.

– У нас же не средневековье! Ты же не заставишь меня под дулом пистолета идти под венец?!

– Это кто тебе сказал такую глупость?! – хмыкнул папа и разозлился еще сильнее. – Дочь, не разочаровывай меня. Ты далеко не глупая девочка и прекрасно понимаешь, что Ни-

колаша болен, а значит, мой сын никогда сможет управлять заводом и...

– Николаша нормальный! Он не болен! – выкрикнула Анна. Она терпеть не могла, когда из ее брата делали психически нездорового. Да, у него диагностировали расстройство аутистического спектра, но родители сделали все возможное, чтобы он жил полноценной жизнью. Николаша с помощью западных врачей и специализированных педагогов добился невероятного прогресса. Он начал различать лица родных, и стал более общительным и открытым, насколько это возможно в его случае. Нельзя же каждого аутиста приписывать к недееспособным!

– Отец хотел сказать, что Николаша у нас особенный, вот и все, – мать мягко попыталась сгладить острые углы и с осторожностью посмотрела на мужа.

– Аннушка, тема закрыта, – отрезал отец.

– Я не выйду замуж только потому, что вы так решили! – решительно заявила Анна. – У нас в стране демократия, в конце концов! – злобно выкрикнула она.

– О, Господи, – мать прижала ладони к лицу. – Саша, она еще ребенок!

– Это твоё воспитание, – упрекнул жену недовольный отец. – Ещё раз повторяю, вопрос решен. Выйдешь за того, кого я тебе выберу.

– Нет! Ты не сможешь меня заставить! – закричала Анна, пулей побежала в свою комнату и, обиженно надув гу-

бы, плюхнулась прямо в вечернем платье на кровать. Как же так?! Это несправедливо! Родители просто забыли, в каком веке они живут! Да, ее прадед был высокородным графом, но ведь они живут в современном мире! Они не могут насильно ее заставить.

— Анна, — мать тактично постучала в ее комнату. — Можно мне войти? — Так было всегда. Когда она ссорилась с отцом, ее милая мать прилагала все усилия, чтобы помирить двух родных людей с практически идентичным характером. — Анята, ты девочка уже взрослая, поэтому я хочу рассказать тебе, как мы с твоим отцом познакомились, — она замолчала на мгновение, поджала губы, словно не решаясь поделиться с дочерью. Вздохнула и сказала: — Если помнишь, твой дед был высокопоставленным чиновником. Когда мне исполнилось двадцать, он решил, что пора выдать меня замуж за уже влиятельного взрослого мужчину. Им оказался твой отец. У него уже в те времена имелось немалое состояние, а у моего отца нужные связи. Это был очень выгодный союз для обеих семей, поэтому, всего лишь через месяц после знакомства мы сыграли свадьбу. А через девять месяцев у нас появилась ты.

Анна обомлела. Она никогда даже не задумывалась над тем, по какой причине настолько молодая и красивая женщина, как ее мать, выбрала себе в мужа человека богатого, но уже в солидном возрасте. Нет, не может быть, чтобы ее родители заключили брак исключительно по расчету!

– Мама, но ты ведь любишь папу? – спросила изумленная Анна.

– Конечно, милая, – ответила мать с отчего-то грустной улыбкой. – Я очень люблю твоего папу и очень счастлива в браке.

Анна вглядывалась в лицо своей матери и не понимала, отчего в родных и красивых глазах проскальзывает щемящая и безысходная тоска.

– И ты будешь, доченька, – добавила мать, – со Станиславом Волковым очень счастлива. Он мужчина уважаемый, из приличной семьи. Он прекрасно о тебе позаботится. Папа составит брачный контракт на очень выгодных для тебя условиях. А еще, в случае чего, этот человек позаботится и о твоём брате.

– Мама, но это же... неправильно... по расчету... – Анна не могла собрать свои мысли воедино. – А как же любовь?

Мать тяжело вздохнула, пригнулась к ней и поцеловала в лоб.

– Ох, какой же ты у меня еще ребенок, Аня! Не расстраивай отца, – строго сказала она. – Завтра с утра он поговорит с Волковым, а вечером мы улетаем с Николашей в Австрию. Необходимо пройти рядовую проверку. Время уже подошло. В этот раз мы полетим втроем, у тебя же занятия в консерватории. В клинике мы пробудем около месяца, и за время нашего отсутствия, я надеюсь, ты подумаешь над своим поведением.

– Мама, а вы не боитесь, что я из-под венца сбегу? Прямо у всех на виду! – выдала раздосадованная Анна.

Мать улыбнулась и закатила глаза:

– Вся в отца. Упрямая и взбалмошная.

– Я на полном серьезе, – обиделась Аня и скрестила руки на груди.

– Анюта, не говори глупостей, – отмахнулась от нее мать, словно она несмышленный малыш, поднялась, и уже выходя из комнаты, попросила: – Не садись за фортепиано сегодня. Николаше надо выспаться перед дорогой. А то если начнешь, он снова просидит до утра с тобой и вымотается. Ты ведь знаешь, как он любит слушать твоё исполнение.

Она закрыла дверь, а Анна не могла поверить в то, что её горячо любимые родители просто взяли и решили выдать её замуж за незнакомого ей человека. Она даже думать не хотела о том, что они обидели Николашу! Ему только двенадцать! Никто не знает, каким он вырастет. А вдруг он сможет вопреки своим особенностям стать великим ученым или прекрасным руководителем завода?! Несмотря на чрезмерную любовь к своим детям, его просто вычеркнули, словно он не человек, а овощ! Ах, как её бесила людская жестокость по отношению к людям, которые отличаются от других! Это несправедливо, а слышать от собственных родителей до жути невыносимо!

Замуж? Она не может выйти замуж! Анна же только поступила в консерваторию, обрела новых друзей, и фанатич-

но играла, играла, играла... Она мечтала стать всемирно известным музыкантом, а еще композитором, и всю жизнь посвятить себя музыке! Сколько бессонных ночей она провела за роялем, музицируя, чтобы отточить свое мастерство! Анна же даже ни с кем еще не встречалась, ее практически не интересовали парни. А тут... сразу взрослый мужчина. Это как начинающему пианисту вручить рапсодию в стиле блюз для фортепиано с оркестром Джорджа Гершвина и требовать от него идеального исполнения! Нет, это невозможно! Она же не вещь, а человек! Нельзя вот так просто распоряжаться ее жизнью. Родители передумают, обязательно. Просто это было настолько неожиданно, что Анна даже не успела подготовить разумные аргументы против их сумасшедшей затеи.

Станислав Волков. Ох, и страшный же он! Нет, не в смысле внешности, она-то как раз у него видная, выделяющаяся. Высокий, атлетического телосложения, светло-русые, слегка удлинненные волосы, волевой подбородок, а глаза, Боже! Какие у него глаза! Безумные! Когда он на нее смотрел, ей казалось, что она слышит лязг металла... словно звучит тяжелая, нагнетающая токката и фуга ре минор Иоганна Себастьяна Баха... а этого композитора Анна не сильно жаловала. Как некультурно он себя повел, когда даже не ответил на ее приветствие и просто ушел! А может Анна зря переживает? Она же ему явно не понравилась. Возможно, олигарх завтра откажет отцу, папа успокоится и забудет свою сумасбродную идею выдать ее замуж? Точно! Так и будет... Ведь она же со-

всем ни капельки ему не понравилась... и он ей тоже... хотя мог бы для приличия и ответить!

Аня недовольно поджала губы и стала укладываться спать. Засыпая, она все еще слышала токкату, плавно переходящую в фугу ре минор. Анна никак не могла избавиться от мучающего ее вопроса: а что именно богатому взрослому олигарху в ней не понравилось, что он настолько невоспитанно себя повел? Даже по-хамски! Это возмутительно. Нет, Анна Монастырская никогда не станет женой неотесанного грубияна!

Глава

2

СПУСТЯ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ

— Анна, вы не можете больше учиться в нашей консерватории, – сообщил ректор, вызвав студентку к себе в кабинет. – Слишком долго мы входили в ваше непростое положение. Оплатите контракт до понедельника или мы вас отчислим.

– Я понимаю. Но... у меня возникли некоторые финансовые трудности, и... – мямлила бледная девушка, – Вы не могли бы дать мне еще одну отсрочку... Мой отец все же сделал немало для консерватории и я...

– Именно потому, что Александр Петрович внес существенный вклад в наше заведение, мы и тянули так долго с

отчислением, — отрезал седовласый мужчина в деловом костюме.

— Я понимаю, — она стыдливо опустила голову. — А как насчет бюджетных мест? Может быть, я смогу перевестись? Меня педагоги очень хвалили и...

— К сожалению, в середине учебного года мы не можем предоставить бюджетные места учащимся. Либо в срочном порядке оплатите контракт, либо приходите к нам на следующий год и попытайтесь получить стипендию.

Анна Монастырская обреченно поплелась на выход. Остановившись на ступеньках консерватории, прикрыла на мгновение глаза и жадно глотнула свежего воздуха. Хотелось заорать во всю глотку как выпотрошенное животное. От боли. От обиды. От унижительного положения, в котором по воле злой судьбы она оказалась. В один день ее радостная жизнь закончилась. Построенное родителями беззаботное царство, в котором она пребывала с самого рождения, в один миг с оглушительным треском рухнуло. А теперь Анна жалко топчется на обломках своего счастья, продолжая катиться по наклонной вниз.

Отчисление из консерватории, ее уничтоженная мечта стать музыкантом, лишь добавка к основному “блюду”. Потому что главное, самое страшное, что с ней произошло, Анна уже пережила. Она стояла несколько мгновений с остекленевшим взглядом, не видя перед собой никого и ничего. Не зная, куда теперь идти. И что делать дальше. Даже слезы

закончились. За нее плакал дождь, крупными каплями стекая по щекам.

Полгода назад произошла страшная авария. Говорят, машина была неисправна, а водитель не справился с управлением... Целая семья, направляющаяся в аэропорт, за пару минут погибла на месте. Анне сообщили, что никто из них не страдал. Все произошло настолько быстро, что они даже не успели осознать случившееся. Буквально за несколько мгновений она потеряла отца, мать и десятилетнего братика. А через месяц, у ее бабушки, не выдержало сердце, и пожилая женщина скончалась от горя на руках у внучки.

В тот роковой день отцу так и не удалось поговорить с Волковым. Олигарх срочно выехал в Европу. Отец вернулся с не состоявшейся встречи очень злым и встревоженным. Даже повысил на Анну голос. Они разругались вдрызг, чего отродясь не было. Она помнит, что в сердцах бросила отцу злое, глупое: “Ненавижу!”. До сих пор стыдно. А потом в один момент... вся семья... а через месяц... бабушка...

Анна Монастырская плохо помнила последние полгода. Все это время она находилась под воздействием сильных успокоительных. Два месяца пролежала в больнице и только недавно оправилась от нервного срыва. Ее пичкали огромным количеством лекарств, иначе девушка не смогла бы даже явиться на похороны своей семьи. В то время адвокат семьи и хороший друг ее отца, Эдуард Степанович, поддерживал ее и не оставлял ни на секунду. Он нашел ей врача и

устроил в частную клинику. А после, когда Анна подписала какие-то документы, внезапно исчез... Она даже не помнит, где именно ставила подпись. Кажется, адвокат что-то говорил о том, что ее отец влез в долги, завод перестал приносить прибыль, что она, как единственная наследница должна расплатиться с кредиторами, чтобы ее не преследовали и не затаскали по судам. Его слова звучали как в тумане. Анне до сих пор адски больно вспоминать то время.

В день вступления в наследство оказалось, что ей придется съехать из любимого родительского дома. Он также отошел в счет уплаты долга. Если бы не квартира бабушки, она бы, наверное, осталась на улице. Все ее банковские счета оказались пусты. Кредиторы забрали даже мамины фамильные драгоценности. У Анны Монастырской, некогда богатой наследницы миллионного состояния, не осталось ничего... У Анны Монастырской, некогда любимой и любящей дочери, сестры, внучки – не осталось никого...

Друзья родителей сначала пытались поддержать, интересовались как она, а потом со временем перестали звонить. Все ее состоятельные подруги детства куда-то испарились. На всем белом свете не осталось ни единой души, которая бы о ней побеспокоилась.

– Монастырская?! – вдруг окликнул ее мужской голос, выводя из тяжелых раздумий.

– Ростик? – она удивленно обернулась и взглянула на брата ее некогда лучшей подруги, которая после похорон про-

пала первой. – А что ты здесь делаешь?

– А я это... проездом, в общем, – засмутился парень, как обычно в ее присутствии. Анна догадалась, что он, видимо, подвозил очередную соблазненную им молодую девушку на занятие. – Ты на пары?

– Нет, я... забрала документы, – стыдливо потупилась девушка.

– А чего так? – спросил Ростик, а потом, видимо не правильно расценив мотивы ее поступка, добавил: – А, ну да. Ты вообще как? Как дела, что новенького?

Как она?! Анна горько хмыкнула. Станный вопрос, учитывая ее нынешние обстоятельства. Но брат подруги всегда относился к ней по-доброму и был весьма мил, насколько она его помнила со школы. Кира однажды даже поделилась, что Ростик к ней неровно дышит. Анна тогда отмахнулась от слов одноклассницы, так как ее брат был равнодушен к любой смазливой молодой девушке.

– Ростик, – внезапно ее осенило, и Анна, подавила свою гордость, спросила: – Ты не знаешь, кому нужен человек, умеющий играть на фортепьяно?

– Знаю. А тебе зачем?

– Мне работа нужна. А ничего другого я делать не умею.

– У тебя проблемы с деньгами? Так чего ты молчала?! – воскликнул парень, вытащил бумажник и протянул ей пяти-тысячную купюру. Анна остолбенело взглянула на деньги и мгновенно покраснела от стыда.

– Спасибо, – еле выдавила она из себя. Ростик не виноват. Он же пытается ей помочь, просто она впервые оказалась в настолько плачевном и унижительном положении. – Очень мило с твоей стороны. Но я не возьму.

– Монастырская, завязывай со своей графской гордостью! Я же от чистого сердца.

– Я знаю. Но если ты действительно хочешь помочь, то скажи, пожалуйста, куда мне на работу устроиться.

– Батя моего друга открыл новый ресторан. Цивильный, там, кажется, нужен музыкант. Давай я тебя туда подкину.

После того, как Ростик поговорил с владельцем и управляющим, а Анна успешно прошла собеседование, ее быстро приняли. И вот уже месяц Анна работала в новом элитном заведении, похожем на одно из тех, в которых она часто отдыхала с родителями. От уборщиц того же ресторана она узнала, что в один крупный супермаркет требуется работница. Ей очень нужны были деньги. В первую очередь она должна накопить на памятники родным. Затем, собрать нужную сумму и попытаться восстановиться в консерватории, если на следующий год не удастся попасть на бюджет.

Ее взяли и на вторую работу. Выдали униформу и послали драить туалеты. Анна не гнушалась простой работы, хоть с непривычки на нежных тонких пальцах кожа покраснела и шелушилась. Анна ходила как робот, выполняя свои обязанности, чтобы хоть как-то отвлечься от сумасшедшей боли и немного успокоить рыдающее кровавыми слезами еле бью-

щееся сердце. Со смертью целой семьи в ней что-то умерло. Что-то важное. Живое. Словно с их потерей она сама перестала существовать. Плевать на тяжелый малооплачиваемый труд, плевать, что из богатой наследницы миллионного состояния, из статуса “принцессы” ее перевели в обычные уборщицы. Она готова до конца своих дней отдирать проклятые вонючие унитазы, только бы родители, братик и бабушка оказались снова рядом. Если бы отец просто обанкротился, Анна была бы счастлива! Ведь в таком случае, они были бы все равно вместе... а так... она осталась совершенно одна в целом мире. Никому не нужная, убитая горем, сложенная и одинокая.

После ночной смены она зашла в квартиру, где еще веяло бабушкиными духами. Прошла на кухню, открыла холодильник и уставилась на купленный вчерашний кефир и небольшую булочку. Кто бы мог подумать, что у девушки, которую отец специально возил в Японию, чтобы отведать только появившиеся в родной стране настоящие «суши», теперь элементарно нет средств, питаться даже простыми продуктами. Анна так и не смогла запихнуть в себя ни крошки после тяжелого дня. Поплелась в комнату, надела старую кофту, принадлежащую бабушке. Вдохнула все еще ощутимый ее пряный запах, пытаюсь согреть свою замерзшую от горя душу, и рухнула на кровать прямо в одежде. Давя разрывающие грудь глухие рыдания, Анна отчаянно шептала:

– Господи, пожалуйста, верни мне их! Ни о чем больше

не прошу... только верни мне мою семью! – сжимаясь в комочек, она прикрыла уставшие веки.

На протяжении долгого времени, каждый раз, когда ее голова касалась подушки, вместо воспоминаний о близких ей людях, вместо любимых лиц, перед внутренним взором отчего-то всплывало безумные серые глаза олигарха Волкова. Может быть потому, что из-за него она поссорилась с родителями, так и не сказав им, как сильно любит. А может, потому что корила себя за то, что ни разу не поблагодарила отца с матерью за все, что они для нее сделали, и по-детски эгоистично принимала их любовь и заботу как должное. Может потому, что толком не успела даже обнять Николашу на прощание ... Она не знала, по какой именно причине. Но с того самого ужасного дня токката, плавно переходящая в фугу ре минор, стала мрачным фоном ее новой безрадостной жизни...

Когда Волков вернулся в столицу, Карен уже встречал его в аэропорту.

– Я уж думал за тобой спасательную бригаду посылать! – нервно засмеялся друг, тепло обнимая Волкова. – Вызволять тебя из смиренной рубашки! – от Стаса не ускользнули обеспокоенные взгляды, которые Карен украдкой бросал на него. Переживал, гаденыш усатый! Изначально Волков рассчитывал провести за границей чуть меньше времени. Однако его реабилитация на этот раз оказалась чуть сложнее,

чем была раньше. С Кареном все это время он поддерживал связь, тот докладывал о делах компании, тактично умалчивая об одной семье, ставшей для Волкова запретной темой.

– Не дождетесь! – засмеялся в ответ Стас.

– Я рад. Очень рад, – дергано ответил брат, нервно улыбаясь. – А мама как будет рада! Она к твоему приезду целый пир закатила. Твой любимый бозбаш и кюфта уже ждут.

– Понятно. Значит, о делах ближайшую пару часов поговорить не получится.

– Какие дела?! Мама уже раз двадцать звонила. Весь мозг вынесла! Сначала домой, потом все остальное. А не то она из нас обоих начинку сделает и в лаваш завернет. Ты же ее знаешь! – Карен с присущим ему юмором наигранно весело тараторил всю дорогу. Волков знал, отчего брат дергается и каких новостей боится услышать. А вот и зря. В этот раз Стасу снова повезло. Опасения Карена не оправдались.

Когда они въехали в огромный особняк, принадлежащий Волкову, на пороге их уже встречала тучная армянская женщина, которая при виде Стаса расплылась в широкой улыбке.

– Сурен! – выдохнула она. Первый раз Армине назвала его армянским именем, когда ему исполнилось восемь лет, и Стас, несмотря на огромное состояние своей семьи, по сути, остался один. Нареченное имя имело несколько значений: “сильный” и “божественный”. Когда произошла страшная трагедия и родная мать отвернулась от восьмилетнего

сына, Армине беспрекословно взяла на себя заботу о маленьком брошенном мальчике. Скорей всего, из благодарности. Его дед хотел ее выгнать после всего случившегося. Но Стас упрямо настоял на том, чтобы Арминэ осталась рядом. Покойный дед не смог тогда отказать внуку. Волков помнит день, когда бедная женщина со слезами признательности гладила его по голове и шептала: “Сурен, мне тебя Бог послал!”. Верующим Стас никогда не был. С его родовой историей было бы странно таковым являться. Тем не менее, Армине вот уже на протяжении тридцати лет живет с ним под одной крышей, заведует его домашним хозяйством и, в отличие от остальных женщин, ни разу его не предавала.

Теперь же Стас смотрел, как ее огромные карие глаза наполнялись тревогой. Арминэ тоже не решалась задать точащий изнутри вопрос. Волков не стал более мучать двух самых близких ему на свете людей.

– Перестаньте смотреть на меня как на привидение. Диагноз не подтвердился. Выдыхаем и расслабляемся. Живо, я сказал!

Армине моментально просияла, ее грузные плечи расслабились, и она тут же стала ворчать.

– А что ты тогда так долго? И почему так редко звонил мне? Почему я должна все узнавать от Карена?! – эта женщина была единственным человеком на всем белом свете, которому позволялось любое поведение в адрес Волкова. Он молча терпел и полную бестактность пожилой женщины, аб-

солютное отсутствие элементарных манер, и даже ее базарное хамство. Потому что только Армине можно было всё!

Сначала мама-джан покормила своих сыновей приготовленными ею горячими блюдами, а затем, подождав, пока они доедят, ни с того ни с сего отвесила Карену подзатыльник.

– Мама, за что?

– Любовницу новую завел? – прикрикнула Армине. – Когда у тебя жена еще грудью кормит! Наринэ уже все глаза выплакала.

– Мама, я... – попытлся оправдаться, в очередной раз нашкодивший любвеобильный Карен.

– Послушай меня внимательно. Если на нервной почве у Наринэ пропадет молоко, я из тебя такой сделаю хаш, пальчики оближешь! Получится лучше, чем из баранины!

– Мама, ты не права.

– И так мне четыре внуки заделал! – продолжала ругаться Арминэ. – А я внука жду. И только попробуй мне его родить с одной из твоих потаскух!

– Как я рад, снова вернуться домой, – хмыкнул Стас, глядя на скривившегося недовольного Карена, который в очередной раз получал нагоняй от своей мамы.

– Кушай, Сурен, кушай, – переключилась на него Арминэ. – Какой худой стал, одни кости! Чем тебя кормили в твоей Швейцарии?! – возмущалась армянка. – А ты куда смотрел?! – она снова отвесила подзатыльник Карену.

– А причем здесь я к его худобе?! – воскликнул брат. – Я

еду ему в Швейцарию отправлять должен был?!

– Ты мне еще поговори! – снова накинута на него Арминэ, но долго гневаться на любимого сына не смогла и тут же переключилась. – Тоже похудел! Плачется, видите ли, она мне, что муж гуляет. Конечно, он гулять будет, если ты его не кормишь нормально! – бубнила себе под нос Армине, уже ругаясь на жену Карена. – Кушай, сына, мама старалась. А то у этой барыни целых три няни, а она ни черта тебе не готовит! Только и знает, что мне в трубку рыдать!

Стас так и не понял, где связь между готовкой и кобелиной натурой Карена, и чем виновата его бедная жена, но мудро решил промолчать. Арминэ отпустила сыновей только после того как убедилась, что оба накормлены до отвала. И пригрозила, что, если кто-нибудь из них похудеет еще хоть на грамм, она их выпорет, и многочисленная охрана им не поможет. Карен пытался возмущаться, что они два здоровых взрослых мужика, одному уже под сорок, а у другого собственные дети, но настоящую армянскую маму такими аргументами не сломишь. Волков улыбался, слушая их перепалку, а в душе был искренне рад снова очутиться дома рядом с близкими ему людьми.

Когда им все же удалось вырваться из заботливых рук Армине, они с Кареном направились в офис. До позднего вечера разгребали рутинные дела. Волков быстро вникал в то, что успел пропустить за целых полгода. В целом Карен в очередной раз отлично справился с руководством его империи.

Волков остался доволен. Ближе к вечеру, они решили поехать, немного расслабиться и отпраздновать его возвращение.

Карен повез его в недавно открывшийся элитный ресторан. Сделав заказ, они стали обсуждать развитие стратегии компании и планы на будущее. Внезапно Стас вздрогнул от того, что в зале послышалась фортепианная мелодия. Грустная, тягучая. Въедающаяся в душу миллионами острых разбитых осколков. Волков непроизвольно сжал кулаки с такой силой, что казалось, еще мгновение, и вздутые от напряжения вены разорвутся. Несмотря на проведенное время в Швейцарии, вроде утихомиренный им внутренний монстр снова очнулся и завыл в голос. Но уже от боли... Какого черта?!

Карен повернулся в сторону музыканта, удивленно поднял брови, округлил глаза, а потом пробурчал что-то по-армянски себе под нос. Стас плохо знал этот язык, но, кажется, это было: «Да чтоб вы все горели синим пламенем, мать вашу...» – дальше пошла длинная речь, состоящая из одних матерных слов. Волкову же не надо было оборачиваться и выяснять, кто настолько искусно нажимает на черно-белые клавиши, заставляя мелодию течь по венам прямо к сердцу, чтоб впиться в него, вгрызться, и заставить слезно кроветочить. Его звериный инстинкт подсказывал, что это может быть лишь один человек на свете. В закрытом пансионе Швейцарии он провел много бессонных ночей, прослуши-

вая разных известных исполнителей классической музыки. Ни один не произвел на него настолько ошеломляющего эффекта. Ни один не выворачивал его внутренности наизнанку, принуждая душу одновременно орать от адской боли и рыдать от упоительного блаженства. Так играть могла только она...

– Не говори, что за роялем сейчас сидит Анна Монастырская, – с гнетущей обреченностью прошептал он.

– Сурен, если тебе от этого станет легче, хорошо, не скажу, – сострил Карен и скривился. – Я не знал, что она здесь будет. Мамой клянусь!

Волков повернул голову и взглянул на девушку-наваждение, его личный призрак, преследовавший его на протяжении семи месяцев. Она стала еще тоньше, чем была ранее. Куда же больше?! Лицо бледное, осунувшееся, плечи сгорбленные, а под глазами виднелись огромные жуткие синяки. Она выглядела настолько грустной и одинокой, что у Волкова даже свело скулы от неожиданного сочувствия.

Усилием воли он заставил себя повернуться обратно, подскочил с места и пулей устремился на выход. Выйдя на свежий воздух, он мысленно приказывал себе успокоиться. Семь месяцев лечения коту под хвост! Он честно исполнял все предписания врачей, и только недавно избавился от навязчивого образа этой девочки, перестал ежесекундно слышать душераздирающую мелодию, которую она играла в день их знакомства. Думал, преследовавший его искушаю-

щий девичий призрак исчез. А вот хрена с два! Волков весь затрясся, шумно делая резкие выдохи, прикрыл глаза, что даже сквозь закрытые веки просвечивались напряженные сосуды, а мелкий пот посыпался градом со лба.

– Да чтоб тебя! Сурен, прости... брат я... – Карен вышел за ним следом, встал рядом, и, будучи не в силах помочь, чертыхался сквозь зубы.

– Что она здесь делает? – спросил Стас, дергано прохаживаясь в зад вперед.

– Я не знаю.

– Так выясни! – рявкнул он.

– Я думаю, что она здесь работает.

– Что? – Волков удивился. – Зачем ей работать? Монастырский открыл ресторан и заставил дочь развлекать посетителей? Что за бред ты несешь?!

– Стас тебя долго не было. Кое-что произошло, – Карен замолчал на пару мгновений, достал сигарету и закурил. – Монастырский погиб в автокатастрофе. Вместе с женой и сыном. Полгода назад. Разбились насмерть.

– Что?! Как?! Почему ты мне об этом не доложил?! – разозлился ошеломленный Стас.

– Ты же сам мне сказал, что слышать не хочешь о нем.

– Да я же не думал... Господи, – Стас обхватил голову руками и согнулся почти вдвое. – Какого хрена, Карен?! И это все равно не объясняет, зачем наследнице многомиллионного состояния работать в ресторане!

– Дело в том, что у Монастырского были кое-какие проблемы с заводом. Он приходил в день, когда ты уехал. Хотел обсудить выгодную сделку и попросить тебя проинвестировать завод. Его прижали, Стас. Ему нужна была твоя помощь.

– Ты почему мне раньше об этом не сказал?! – рявкнул Волков, резко схватив его за грудки. – Да я бы тогда не уехал! Ты это понимаешь?!

– Сурен, ты сказал молчать, я молчал. Сейчас какие ко мне претензии?! – обиделся Карен и сдернул его руки со своей груди. – В общем, никакая она теперь не наследница. Нищая она. Я так понимаю, Монастырский хотел тебя на ней женить, чтобы решить свои финансовые неурядицы. А ты, считай, вовремя сбежал.

– Вовремя? Вовремя, мать твою? Мой друг погиб! Я мог ему помочь. А теперь он мертв! Это ты называешь «вовремя»?! Ты идиот?!

– Для тебя же старался, чтобы снова не унесло в «неведомые дали»! Плавали, знаем! – огрызнулся Карен. – И зачем тебедохлый завод? Да и проблемы девахи на нашу голову!

– Заткнись. Еще раз сыграешь со мной в темную, в «неведомые дали» поплывешь ты, понял?! Я тебе устрою далеко и надолго! – зарычал Волков. – Значит так, через час у меня на столе должна лежать полная информация по Монастырскому. Что у него были за долги, кому и так далее. Кто теперь владелец завода и магазинов. И по Анне тоже!

– Стас, а зачем? Если тебе жалко девчонку, давай денег дадим и все!

– Ты не понимаешь, да? – с горечью усмехнулся Волков. – Как вовремя Монастырский умер!

– В каком смысле? – не понял Карен.

– Я видел его финансовую отчетность. Не было у него долгов. Процветающее предприятие с сумасшедшим потенциалом. Зачем ему срочно понадобились мои вложения? А меньше, чем через год у него внезапно появляются долги и он скоропостижно умирает!

– Возможно, несколько неудачных инвестиций, вот и прогорел или проигрался в карты...

– Не зли меня, Карен, а не то я тебе врежу! Через час! – проорал Стас. – Дальше. Найми грамотного человека, чтобы детально изучить смерть Монастырского. Как, когда и при каких обстоятельствах. Так же набери Аверина. Пусть подъедет и объяснит мне, как девочка с трастовым фондом в десятки миллионов долларов пошла работать в ресторан!

– Сурен, а ты уверен, что нам, вернее тебе, стоит в это ввязываться? А если ты прав, и с делом Монастырского не все чисто? Зачем этот гембель на нашу голову? Мы не ввязываемся в чужие проблемы! Тем более, что тебя снова клинит... Ну не подходи ты к ней, я тебя мамой прошу, а?!

Брат был прав. Не рационально ввязываться в чужую, грязную, возможно, опасную игру. Вдобавок Стасу действительно категорически нельзя приближаться к этой девушке.

Только вот... в этот момент Волков осознал, что уже давно ввязался. В тот самый роковой вечер, будь он проклят, когда заворуженно смотрел на девочку-наваждение с иссиня-черными волосами. Можно было спустить все на тормозах, дать Анне денег, а самому снова сбежать. Только от себя далеко не убежишь. Он пробовал, не получилось. Можно врать себе сколько угодно. Можно сорвать голос, утверждая, что он хочет разобраться со странными обстоятельствами, при которых погиб его друг. Но дело было не только в Монастырском. Скорее, не в нем одном. Изумрудные глаза юной искусительницы острыми гранями врезались в плоть, навеки оставляя отпечаток внутри. Стас ее хочет. Дьявольски, по-звериному... Кажется, его ремиссия подошла к завершению. Еще чуть-чуть и, как законченный наркоман, Волков сорвется в третий раз...

Глава 3

— Сурен, а ты был прав! — спустя некоторое время доложил Карен, предоставляя ему полный отчет по делу Монастырского. — Я вообще ничего не понимаю.

— Нечего здесь понимать. Рейдерский захват, — заключил Волков, быстро просмотрев бумаги.

— А вот копия уголовного дела Монастырского, — продолжил Карен. — Наш человек в полиции утверждает, что с виду все чисто, не подкопаешься. Но он попробует разузнать все в подробностях.

— Станислав Георгиевич, я ознакомился с делом, — сказал вызванный в офис к ночи лучший адвокат столицы Александр Аверин. — У Монастырской ничего нет. Она сама поставила подписи. Она даже подписала отказ от средств своего трастового фонда в пользу какой-то благотворительной организации, которой и в помине не существует.

— Она идиотка?! — воскликнул Карен.

— Я вас умоляю, — отмахнулся Аверин. — У восемнадцатилетней девушки погибла семья. Ей просто вовремя подсунули нужные документы в нужное время. Предположу, что девочка даже не понимала, что именно подписывает.

— Твою мать! — с силой стукнул кулаком по столу. — Я мог ему помочь! — Стас зажмурился, стиснул зубы, еле сдерживаясь.

ваясь, чтобы не начать крушить все кругом. Это он виноват. Если бы Волков остался в стране, хрен бы Монастырскому устроили такой переворот! И кто знает, может быть, друг был бы сейчас жив! Или хотя бы его дочь не лишилась целого состояния. – Саша, как все исправить?

– Никак, – добивал его Аверин. – Все оформлено согласно букве закона. Даже если мы спишем ее действия на временную невменяемость, это сложно доказать в суде. Процесс займет годы, и я не уверен, что мы выиграем. Точнее, уверен, что проиграем.

– Кто сейчас владелец завода?

– Вот это самое интересное, Станислав Георгиевич, – хмыкнул Аверин. – А никто! Подставная фирма, через подставную фирму, а дальше как по накатанной.

– Ясно, короче, – острил Карен. – Хрен поймешь, хрен разберешь, хрен концы в воде найдешь!

– За полгода обанкротить целое предприятие! – рявкнул Волков. – Я хочу знать имя каждого, кто нажился на этом деле.

– Сурен, мы попробуем выяснить, но ты же понимаешь, что дело темное. Может лучше не надо? – в очередной раз пытался предостеречь его друг.

– Но Монастырский, конечно, красавчик! – внезапно засмеялся Аверин, все еще копаясь в документах. – Есть лазейка, Станислав Георгиевич. Но очень хлипкая.

– Говори.

– В общем, есть одно заковыристое условие передачи акций по наследству, – сообщил Аверин. – Если Анна Монастырская выйдет замуж, то она наследует двадцать пять процентов акций, а ее мужу достаются тридцать. Анна Александровна сама отказалась от своей доли. Но никто не отменял тридцать процентов ее будущего супруга. И вот с этим уже можно работать. Если конечно, в ближайшее время она выйдет замуж.

– Она выйдет замуж, – отрезал Волков. – Готовь бумаги, Аверин. Завтра жду готовый брачный контракт у меня на столе. Мне нужны эти тридцать процентов.

– Ты что задумал, Сурен? – спросил обалдевший от такой новости Карен, когда адвокат вышел из кабинета. – Сурен, что значит “оформляй брачный контракт”? Какой, мать твою, контракт? Ты мне сейчас не делай инфаркт!

– У меня нет другого выхода, – Стас тяжело вздохнул. – По-другому я не смогу заполучить завод и загладить свою вину.

– Какую вину?! Ты что ли устроил рейдерский захват и облапошил эту дуреху?! В чем ты виноват?! Сурен, у тебя крыша течет по этой девочке! – вспыхнул Карен. – Тебе нельзя к ней приближаться ближайшие лет сорок, пока тебя не отпустит! А лучше все пятьдесят! Ты что делаешь?!

– Вопрос решен, – отрезал Стас, откидываясь на кресло. – Я женюсь!

У Карена отвисла челюсть. В прямом смысле этого слова.

С открытым ртом он молчал, наверное, минут пять, что было крайне непривычно, ибо это ходячее “русско-армянское радио” обычно ни на секунду не прекращало свое длинное, а зачастую монотонное вещание.

– Карен, хоть проматерись! – процедил угрюмый Волков. – А то мне уже не по себе...

– Я маме расскажу! – наконец, отмер застывший друг, угрожая самой жуткой страшилкой их детства.

– Очень смешно! – усмехнулся Волков. Хотя, объяснения с Армине ему не избежать. И, если честно, лучше бы он действительно давал показания всем ментам этой области, или растолковал свои финансовые операции очередной проверке из налоговой полиции, или даже отбивался от рейдерского захвата собственной империи. По крайней мере, в этих случаях нервов он потратил бы значительно меньше, чем, когда будет стоять по струнке как нашкодивший сопливый пионер и давать отчет одной пожилой женщине, заменившей ему мать.

– Тебе. Нельзя. Жениться. Сурен, эта девочка тебя погубит! – в ужасе закричал Карен. – Прошлый раз целых два года прошло, прежде чем у тебя мозги на место встали. А сейчас?! – друг подскочил со стула и заметался по комнате, размахивая руками. – Ничего скрыть не получится, если она станет женой! Ты о чем думаешь? Ты совсем с ума сошел?! – он внезапно остановился и вкрадчиво спросил: – А ты точно уверен, что твой диагноз в этот раз не подтвердился?! Судя

по твоим действиям, мне что-то не очень верится!

– Остряк, блин, – устало сказал Волков. Карен прав. Нельзя. Категорически. Но единственный способ вернуть завод – сделать Анну своей женой. – В этот раз все будет по-другому.

– По-другому?! – засмеялся скептически настроенный Карен. – Вы еще даже не чпокались, а ты готов целую войну в области развернуть и как щедрый гребаный принц на белом коне прискакать к ней и вернуть девочке ее ювелирный завод! Но я должен верить, что все будет по-другому! – явил раскрасневшийся от переживаний друг.

– Это будет фиктивный брак. Никаких эмоций.

Сказал Волков, но сам в это не верил. Потому как его корежило и скручивало с такой силой, что становилось больно почти физически. Уже дважды он проходил через подобное. Женщина, которой не посчастливилось приглянуться олигарху, становилась его навязчивой идеей. Мучительной, неизлечимой болезнью, наркотической зависимостью, перерастающей в хроническую патологию, от которой не избавиться, не вылечиться, не скрыться. Она поражала все его существо, въедалась в кровь, словно смертоносный вирус, медленно разъедаая и разрушая его. Заодно и женщину, которая была рядом с ним. Анне Монастырской не повезло. Она приглянулась Волкову.

Стасу бы очень хотелось... Отчаянно, неистово, хоть единожды ошибиться. Что может быть... а вдруг, действительно, в этот раз получится избежать непоправимой чудовищ-

ной трагедии?

Вернувшись домой, в ту ночь он так и не сомкнул глаз. Ковырялся в документах Монастырского, еще раз все перепроверил. Захват предприятия осуществили как по нотам. Развели бедную девочку, пока она еще лежала в больнице и восстанавливалась от нервного срыва после гибели родных. Не погнушались даже укокошить больного ребенка, твари. Хотя, чего удивляться?! Ради денег и власти люди пойдут на все. А у Монастырского же было слишком много и того, и другого.

Волков злился на себя с такой силой, что хотелось самому себе врезать. И не просто ударить, а хорошенько избить, так чтобы кости хрустели и чтобы кровью харкать! Анна Монастырская, девочка, с которой отец пылинки сдувал, девочка, проучившаяся в закрытом частном пансионе, с идеальным образованием, исключительными манерами, чуть ли не католическим воспитанием! Чтобы прокормить себя, талантливая, музыкальная, возвышенная девочка пошла драить ТУАЛЕТЫ!

Нет, не избить, его убить мало! Утром Волков вышел из домашнего кабинета, где проторчал всю ночь и застал Армине в гостинной. Рядом с ней стояли два ведра и швабра, а женщина подозрительно держалась за поясницу и охала. Заметив его, мама-джан тут же выпрямилась по струнке, резко опустила руку вниз и сделала непроницаемое лицо, словно она просто проходила мимо.

– Я сколько раз просил не мыть у меня дома пол?! – рявкнул Стас, лицо которого пошло красными пятнами от гнева. Он с силой сжал кулаки, готовый в любой момент накинуться на бедную женщину и проучить один раз. – Армине! У тебя мало помощниц в доме?!

– Сурен, а я виновата, что они криворукие и плохо моют? На кафеле разводы остаются. А я все сделаю как надо и...

– Так уволь их, твою мать, если они тебе не нравятся! – заорал Стас во все горло. – И найми других! Арминэ, ты заведешь всем в моем доме, а не выполняешь грязную работу! Что непонятного?!

– Сурен...

– Слушай меня внимательно. Еще раз увижу тебя ползающую в моем доме на карачках, вылетишь нахер отсюда! Пойдешь жить к Карену! Все ясно?!

– Ясно, Сурен. Прости, – ответила женщина, покорно склонив голову. Ее тихое “прости” в ответ на его откровенную грубость окончательно доконало Стаса. Он схватил с небольшого столика хрустальную вазу и со всей силы кинул в стену. Туда же полетел дизайнерский подсвечник. Выпустив немного пар, Волков развернулся, собираясь уйти, как услышал тихое ворчание.

– О! Намусорил, барин, – бурчала себе под нос Армине. – А убирать за тобой кто будет?! Тока и знает, что в стену швыряться и на мать орать.

– Что?!

– Молчу, молчу, – ответила Армине на его красноречивый взгляд. И как ни в чем не бывало добавила: – Иди, сына, удачного тебе дня!

Трясущийся от гнева Волков вернулся в офис, где устроил нагоняй каждому начальнику отделов своей компании. Работники, покрываясь холодным потом, пулей вылетали из его кабинета один за другим, заикаясь от страха. А Стасу все было мало. Одна женщина, с тоненькими пальчиками и шелковистой на вид кожей моет унитазы, а другая, несмотря на проблемы с почками и радикулит, корячится и драит его полы! И весь этот беспредел происходит прямо у Волкова под носом!

– Есть кто живой? – осторожно спросил Карен, входя в его кабинет. – Ты чего кричишь, словно тебя режут?

– Я сорвался на маму-джан.

– Она что-то тебе сказала или ты опять застал ее с тряпкой в руках? – судя по поджатым губам Волкова, Карен быстро догадался, в чем дело. – Сурен, что ты даром нервничаешь? Она все равно будет делать так, как хочет. Всю жизнь у тебя в доме прибирается. Она так привыкла.

– Да я просто...

– Купи ее любимые георгины, поцелуй в щеку и она будет счастлива! И тут же забудет то, что ты ей там наговорил! Это же мама-джан! – отмахнулся Карен. – Меня вот другое волнует. Следователь, которого я нанял для выяснения обстоятельств гибели Монастырского не выходит на связь. У меня

с ним встреча назначена вечером. Должен был подтвердить. Что-то мне это все очень не нравится.

– Может цену набивает? Подождем, – ответил Волков и тут же дал приказ отправить одной упрямой и чересчур заботливой женщине огромный букет георгин. Весь оставшийся день он изо всех сил пытался отвязаться от навязчивого образа девочки-наваждения. Ближе к вечеру Стас уже не мог больше себя контролировать. Он направился в один несчастный ресторан. Сел в самый дальний угол, так чтобы от туда музыканту не было видно посетителя, и устало прикрыл глаза.

Она снова играла незнакомую ему мелодию. Медленную, пронзительную, даже трагическую. Его лицо исказилось от мучительной судороги. То, что жило внутри него с самого детства, то, что не давало расслабиться ни на минуту и пожирало его целиком, встрепенулось, ожило и заскулило в унисон доносившейся в зале заунывной музыке. Сука... Волкову все равно, кто за этим стоит. Он накажет каждую падаль, кто обидел эту девочку. Всех, кто превратил смеющуюся, улыбающуюся юную девчонку в печальное, сутулое, бледное привидение. От него ни один не ускользнет! Ни один не спасется! А вдруг все же будет по-другому? Может ему удастся перенаправить свою адскую сущность на врагов Монастырского? Вдруг у него получится уберечь Анну от собственной дьявольской природы?

Она играла целых три часа почти без перерыва. И ни одна

радостная мелодия сегодня в зале не прозвучала. Когда рабочее время подошло к концу, Анна встала из-за рояля, поклонилась присутствующим и вышла. Волков кинул на стол крупную купюру, и выскочил следом. Стоял поодаль, наблюдая, как девушка-наваждение садится в служебную машину, которая развозит по ночам работников домой. Дал знак охране следовать за ней. Когда машина остановилась у ее дома и Анна зашла в подъезд, Волков вышел из автомобиля и сел на лавочке под ее окнами. Холодный весенний воздух немного освежал его разбушевавшееся сознание. Он поставил локти на колени, его голова устало упала на ладони. Может стоит плюнуть на все и снова вернуться в Швейцарию? Вот же ж, Гамлет херов! Сидит около ее подъезда, как чертов маньяк-сталкер, ощущая себя сопливым влюбленным подростком, который трясется от возбуждения, словно он бабы в своей жизни не видел. Лучше бы он никогда не возвращался из Швейцарии... Лучше бы дед его тогда пристрелил...

– Правильно! Где еще я мог тебя найти?! – неподалеку раздался язвительный голос Карена. – Фиктивный брак и никаких эмоций, блядь, да?! Это ты называешь «никаких эмоций»!

– Перестань орать и отвали!

– Подъем, Ромео, нас Аверин в офисе ждет.

– Есть новости?

– Есть, но тебе они не понравятся. Я тебе готов, как столетний попугай повторять: нам не стоит лезть в это дело! –

сказал друг, садясь в машину. – Следователь, которому я заплатил, чтобы подробней разузнать об аварии на связь так и не вышел, – он замолчал, потирая виски, – его нашли сегодня мертвым. В подворотне. Спустя несколько часов, как он стал интересоваться и задавать вопросы. Сурен, они мента завалили!

– И в этом я оказался прав. Авария подстроенная. Монастырского просто убрали, – тяжело вздохнул Волков. Когда они вернулись в офис, их уже ждал адвокат.

– Станислав Георгиевич, извините, но я не могу представлять ваши интересы в этом деле, – заявил Аверин.

– По какой причине, Саша?

– Меня попросили не лезть.

– Кто?

Аверин молчал, не желая отвечать. Волков давно был в курсе, что лучший адвокат столицы часто ведет дела лиц с криминальными связями. Учитывая то, как резко убрали следователя и сняли Аверина, теперь Волков точно знал, кто стоит за всей этой грязной схемой.

– У тебя конфликт интересов? – догадался Стас. – Ты будешь играть на другой стороне. Плохо, Аверин. Я же обидеться могу.

– Понимаю. При всем уважении, Станислав Георгиевич, вы обидитесь и откажетесь от моих услуг. Это, конечно же, повредит моей репутации, я заработаю меньше денег. Вы даже можете закрыть мою практику и устроить так, чтобы меня

больше никуда не брали. Но с моей женой и матерью вы ничего не сделаете. А они могут, – резонно заметил адвокат. – Я очень надеюсь на ваше понимание. Оплату за свои услуги я вам сегодня переведу обратно.

– Деньги оставь себе. Если хочешь расстаться мирно, – сказал Стас. – Сделай кое-что для меня. Молчи пока об этом пункте, о тридцати процентах.

– Вы же понимаете, что долго я скрывать такой факт не смогу?

– Понимаю. А долго не нужно. Дай мне фору в пару дней, – попросил Волков.

– Хорошо, – согласился Аверин, помолчал мгновение и выдал. – Станислав Георгиевич, я знаю каждого из ваших корпоративных юристов. Это хорошие профессионалы, но я их по стенке размажу.

– Ты к чему это, Саша?

– К тому что, если вы хотите победить, вам нужен такой же, как я. Иначе это дело я выиграю за полчаса.

– Есть предложения?

– Светлана Михеева.

– Проворовавшийся бывший прокурор? – уточнил Карен, вспоминая громкий скандал, произошедший несколько месяцев назад. Генерального прокурора обвинили во взяточничестве и сотрудничестве с криминальными личностями. Обвинения доказаны не были, но женщину резво скинули с должности.

– Ее подставили. Поверьте мне на слово, если кто и сможет меня обыграть, то это Михеева. Я ее давно в свою контору переманиваю. Она третий месяц без работы сидит, страдает из-за увольнения. Я ее очень хорошо знаю. Она жаждет мести. А тут такой повод сам в руки плывет... Вам она не откажет.

– Бабу брать?! – возмутился Карен. – Что-то мне это дело нравится все меньше и меньше!

– В юриспруденции она не баба, она – убийца, – хмыкнул Аверин. – И с ней у вас будет шанс, если не отвоевать свою долю, так хотя бы заставить кое-кого понервничать.

– Оставь ее контакты. Карен, свяжись, – отдал приказ Волков. Когда Аверин вышел, Стас отдал приказ: – Охрану срочно организуй Анне!

– Зачем?

– Если я не ошибаюсь, а я редко ошибаюсь, когда до них дойдет, что они не учли пункт о тридцати процентах в завещании, Монастырскую попытаются убрать!

Анна возвращалась после ночной смены из супермаркета. От усталости, недосыпа и недоедания она еле передвигала ноги. Вчера она видела Волкова в ресторане. Он даже не поздоровался, хотя точно заметил ее. Может, не узнал? Они виделись всего лишь один раз. Нет, вряд ли. Теперь Анна Монастырская была уверена наверняка: в светском обществе, если у тебя заканчиваются деньги, ты быстро становишься

не стоящей внимания невидимкой. Если у тебя ничего нет, ты больше не достоин даже элементарной вежливости. Все отворачиваются от тебя как от прокаженного, словно боясь заразиться «страшной болезнью» – бедностью. А возможно, олигарх и некогда хороший друг ее отца обыкновенно побрезговал обозначить на публике свое знакомство с обанкротившейся нищенкой.

Неприятный осадок сдавливал горло, вдобавок, прямо перед подъездом она споткнулась и наступила в огромную лужу, сильно испачкавшись. Она тупо уставилась на пятна грязи на ботинках и одежде. От досады Анна стиснула зубы. Ну уж нет! Она – Монастырская! Она не имеет права падать духом. Все образуется. Как-нибудь. Когда-нибудь. В один день ее жизнь наладится. Наверное, ей стоит просто смириться со своим вечным одиночеством. Теперь у нее есть только она сама. Она и мелодии, которые не прекращали звучать у нее в голове. Анна обязательно окончит консерваторию! Родители очень гордились ее достижениями в музыке. Она просто обязана выстоять и справиться. Ради них.

Расправив плечи, Анна зашла в квартиру и прошла в гостиную. Девушка успела только разуться и снять верхнюю одежду, прежде чем поняла, что в комнате еще кто-то находится. Она обернулась и тут же встала как вкопанная. В темноте Анна разглядела темную фигуру высокого мужчины, лицо которого прикрывала черная маска. Мужчина молчал пару секунд, словно наслаждаясь ее шоком, затем под-

нял руку. Перед глазами Анны очутился наведенный на нее пистолет с глушителем.

– Привет от Владимира Карповича, – сказал незнакомец. Анна даже не успела испугаться. Она лишь крепко зажмурилась, принимая фатальную неизбежность. Ее сейчас убьют. Застрелят. А она даже не знает, почему... А может, это и к лучшему! Один выстрел и исполнится ее самая заветная мечта: она скоро встретится со своими родными...

Внезапно раздался треск разбивающихся окон. От резкого звука она вздрогнула и резко открыла глаза. Незнакомец схватил девушку, притянул к себе и приставил пистолет к ее виску. Все это он проделал молниеносно, пока несколько мужчин в форме влетали на канатах в квартиру.

– Не подходить! Убью! – пригрозил незнакомец.

Анна кожей чувствовала холод металлического глушителя. Она замерла и, кажется, перестала дышать. Девушка словно наблюдала со стороны сцену из какого-то боевика или триллера. Это не может происходить сейчас, с ней, в квартире ее покойной бабушки. Это сюрреалистичный сон!

Неожиданно из прихожей в комнату спокойно прошел Станислав Георгиевич в окружении еще нескольких мужчин в деловых костюмах. А он что здесь делает? Господи, что происходит? Кто эти люди и что им всем от нее нужно?!

– Опустить пистолет, – тихо приказал Волков. Он смотрел в упор на незнакомца и, внезапно, как всегда бывало при виде этого властного мужчины, в ее затуманенной голове зазвуча-

ла музыка. Один из двенадцати концертов Антонио Вивальди. Анна отчетливо слышала композицию “Шторм”. И, видимо, в унисон нагнетающей, резкой, буйной мелодии серые глаза Волкова потемнели, словно небо перед жуткой грозой. Все его существо ошетинилось, будто дикий хищник готовился к нападению.

– Не могу, – ответил незнакомец. – У меня приказ. Подойдете ближе, я нажму на курок.

– Я заплачу тебе сумму, втрое превышающую твой гоно-
рар. Отпусти ее.

– Я так не работаю. Девушка умрет.

– Заказчик кто?

– Я так не работаю, – как робот повторил киллер. Анне даже захотелось уточнить, а он вообще человек или просто машина для убийства?!

– Тронешь девушку, ты умрешь.

– Не трону, все равно умру. Так хотя бы выполню заказ.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Волков.

– Знаю.

– Предлагаю сделку. Ты возвращаешься к тем, кто тебя нанял и называешь мое имя. Скажешь, что это я тебе помешал выполнить работу.

– А ты знаешь, на кого я работаю?

– Знаю.

– Тогда ты понимаешь, что со мной сделают, если я не выполню заказ.

– А знаешь, что я с тобой сделаю, если ты его выполнишь?

– Пустишь пулю в лоб, – спокойно ответил киллер. – Уж лучше так сдохнуть, чем к ним вернуться ни с чем.

Волков неожиданно рассмеялся.

– Я дам тебе один шанс уйти. Иначе... я буду ломать каждую кость на твоём теле. Неторопливо и с наслаждением. Затем я буду отрезать от тебя по маленькому кусочку. Подыхать ты будешь так мучительно и медленно, что станешь молить о том, чтобы я тебя убил. Забудь про одну пулю в лоб, – все это Станислав Георгиевич рассказывал так убедительно, так уверенно, что у Анны не осталось никаких сомнений: именно это Волков и сделает. Кажется, киллер, так же, как и она, понял, что стоящий перед ними мужчина говорил все эти страшные, жуткие вещи не для красного словца. Не для того, чтобы напугать. Он говорил сущую правду! Глаза Станислава Георгиевича налились кровью, а взгляд стал безумным. Точь в точь, как в их с Анной первую встречу...

– Имя, кто отдал приказ! – зарычал Волков.

– Я не знаю. Со мной связывались анонимно.

– У тебя один шанс. Я даю тебе шестьдесят секунд. Ты отпускаешь девушку и спокойно выходишь. Слежки не будет. Слово даю. Затем назовешь мне сумму. Я заплачу. Время пошло.

В комнате воцарилась жуткая тишина. Зловещая. Оглушающая. Лишь размеренный звук стрелок настенных часов напоминал присутствующим, что время быстротечно.

Долгие раздумья бессмысленны. В некоторых случаях смертельны. Необходимо действовать прямо сейчас, сию минуту! Иначе всех ждет неизбежное...

– Пятьдесят девять, – заключил Волков. – Твое время вышло.

Дрожащая в руках убийцы девушка с силой зажмурилась. Если бы кто-то в этот момент спросил ее, хочет ли она остаться в живых, она бы не смогла дать четкого ответа. Может лучше, чтобы держащий ее киллер выполнил заказ? И тогда ее адская боль закончится раз и навсегда... Вопреки ее раздумьям, Анну резко отпустили. Видимо, незнакомец выбрал собственную жизнь. Она почувствовала одновременно облегчение и резкий укол разочарования.

– Анна Александровна, откройте глаза. Вы в порядке? – спросил Волков, подходя к ней ближе. Он провел ладонями по ее плечам, убеждаясь, что она цела. От его прикосновений звучащая и слышная только ей музыка увеличила свою громкость на полную мощность. Встретившись лицом к лицу с Волковым, Анна не могла отвести взгляда от его серых, бешеных глаз, которые словно швыряли ее в эпицентр свирепого штормового урагана и утягивали за собой в темную мрачную бездну.

– Я? Да, – еле выдавила она, шумно сглатывая. – Он вам соврал. Этот мужчина сказал, что передает привет от какого-то Владимира Карповича. Станислав Георгиевич... а кто такой Владимир Карпович? – спросила она. Вдруг в глазах

потемнело, голова закружилась, ей стало трудно дышать, и Анна рухнула без чувств прямоком в сильные и надежные объятия Волкова...

Глава

4

Анна очнулась от голосов доносящихся, словно из тумана. Она еле открыла глаза. Перед ней возникло расплывчатое лицо незнакомого человека в белом халате.

– Станислав Георгиевич, это шок, – услышала она. – Я дал ей мягкое успокоительное. Учитывая то, что полгода назад у нее был нервный срыв, ее уже кололи лекарствами. Я не хочу навредить печени. Организм молодой, все должно обойтись. Но я бы поостерегся.

– А что она худая такая? Холерой болела? – донесся откуда-то женский недовольный голос с сильным акцентом.

– Вряд ли, – усмехнулся человек в белом. – Но на лицо явное истощение организма. Возможно на нервной почве, возможно от недоедания и недосыпания. Мне нужны анализы. Станислав Георгиевич, привезите мне девушку завтра в клинику. Пройдет полное обследование, и я смогу сказать точно. Не люблю гадать на кофейной гуще. А пока отдых и покой. Это все, что я могу сказать.

– Спасибо, Кирилл, завтра она будет у тебя, – раздался угрюмый голос Волкова. Анна попыталась спросить, где она находится, но не смогла пошевелить языком. Опять ей под-

сунули эти проклятые лекарства, которые не дают мозгу четко соображать. А еще из-за препаратов, она перестает слышать музыку. А музыка – это ее жизнь. Кроме нее, у Анны ничего не осталось.

Она вновь открыла глаза. За окном еще было темно. Анна медленно встала с кровати, голова гудела, перед глазами плыло, ноги не слушались, и вдобавок ужасно хотелось пить. Она взглянула на настенные часы и увидела цифру два. Господи, она проспала целые сутки! Ее кто-то переодел в длинную ночную рубашку. Анна очень надеялась, что это была женщина. Она стыдливо натянула лежащий на софе халат и вышла из комнаты.

Ее поразила царящая вокруг роскошная классика: золотой интерьер с великолепной лепниной, колонны под стать дворцовым, немыслимые люстры театральной помпезности. Коридор был настолько длинным и запутанным что, проходя через него, Анна невольно хихикнула. Не дом, а целый замок Синей Бороды! Да, Станислав Георгиевич не отличался излишней скромностью.

Наконец, найдя парадную спиральную лестницу, стала медленно спускаться вниз, надеясь все же добраться до кухни и попить. Она услышала чьи-то голоса. Сделав еще несколько шагов, Анна увидела сидящего в кресле Станислава Георгиевича и нависшую над ним тучную пожилую женщину, которая... БИЛА Волкова полотенцем!

– Ах ты, старый извращенец! – кричала женщина, нанося

удары по телу олигарха.

– Армине, мне тридцать восемь лет. Не такой уж я и старый, – терпеливо отвечал Станислав Георгиевич, получая полотенцем по лицу, груди рукам и голове. Анна охнула от несуразности этой картины. Почему он терпит такое отвратительное и неуважительное к себе отношение? Это возмутительно!

– Сурен, может быть не старый, но извращенец точно! – орала женщина. – Она еще ребенок, побойся Бога!

– Армине, я просто хочу ей помочь...

– Кого ты мне в дом привел, а?! Она хоть школу закончила?!

– Ей уже почти девятнадцать.

– Сурен, окстись, что ты делаешь?! Себя не жалеешь, дите это малолетнее пожалей!

– Все будет хорошо. Я тебе обещаю, – ответил Волков, устало прикрыв ладонями лицо.

– Сурен, что ты хочешь, чтобы я сделала? – внезапно расплакалась женщина. – Хочешь на колени стану?! Я не гордая, я могу! – и действительно опустилась перед ним на колени. – Сурен, сынок, ну нельзя тебе! Я прошу тебя, я умоляю тебя! Эта девочка тебя погубит!

– Что ты делаешь?! – вскинулся Волков, разозлившись, и стал поднимать ее. – Встань немедленно!

– Сурен, – женщина прижалась к груди Станислава Георгиевича и рыдала взхлеб, пока он терпеливо стоял и ждал,

когда она успокоится.

Анна подумала, что пожилая леди, которую Волков называл Армине, видимо в курсе, что произошло вчера ночью и искренне переживает, чтобы Станислав Георгиевич не нажил себе опасных врагов или попал в нехорошую ситуацию. Анна не знала, по какой причине ее вчера пытались убить. Кого бы она могла настолько сильно обидеть? В чем провинилась? Но ей вдруг стало настолько стыдно, что она решительно обнаружила свое присутствие.

– Извините, пожалуйста, – сказала Анна, спускаясь. – Я причинила много хлопот. Я сейчас уйду. Станислав Георгиевич, спасибо вам огромное за помощь. Я больше не могу пользоваться вашим гостеприимством, я хотела бы вызвать такси и уехать. Не могли бы вы мне сказать, где мой телефон и вещи?

– Посмотрите на нее, какая... культурная! – заворчала Армине, резко перестав плакать и уставившись на девушку злым взглядом.

– Анна Александровна, вы зачем с кровати встали? Вам еще нельзя, доктор сказал, вам необходимо больше отдыхать, – ответил ей Волков.

– Мне уже намного лучше, спасибо, – ответила Анна, заставив себя улыбнуться. – Только очень хочется пить. Вы не переживайте, я только водички выпью и сразу покину ваш дом, – заверила она Армине. Пожилая женщина окинула ее с головы до ног оценивающим взглядом, под которым Анна

невольно съежилась.

– Что ты худая такая, аж просвечиваешься? Дифтерией в детстве болела? – резко спросила Армине.

– Я... нет, я всегда такой была. Худой, то есть, – засмушалась Анна от ее наглого и беспардонного вопроса, который она посмела задать при мужчине!

– О, еще и немощная!

– Простите? – опешила Анна от ее откровенного хамства.

– Армине, будь любезна, принеси воды Анне Александровне, – встрял Волков. Пожилая женщина, ворча что-то на непонятном языке, пошла за водой. Анна же уставилась себе под ноги и прикусила губу. Женщина, наверное, из-за возраста очень долго несла напиток, Станислав Георгиевич молчал, а Анна не знала, куда себя девать от смущения.

Наконец, ей протянули зловещий стакан. Она жадно пила воду, даже захлебнулась и прокашлялась. В сторону Анны вновь посыпались недовольные замечания на незнакомом ей языке.

– Армине, проводи Анну Александровну к ней в комнату, – попросил Станислав Георгиевич.

– Сама дорогу найдет, ей же уже почти девятнадцать! Не заблудится! – язвительно отрезала женщина, развернулась и вышла из огромной гостиной. Волков на ее грубое высказывание недовольно закатил глаза, но не приструнил Армине.

– Анна Александровна, давайте я вас отведу, – предложил он. Они стали подниматься по лестнице, когда услыша-

ли строгое предупреждение, прилетевшее им в спину:

– И смотри мне, Сурен, без прелюбодеяний, мистер “Все будет хорошо!”

От бестактного намека рот открылся сам собой и Анна гу-сто покраснела. Волков же зажмурился, скривился и устало потер переносицу.

– Не обращайтесь внимания. Это Армине, моя... в общем, она всем заведует в моем доме. Если вам что-нибудь будет нужно, обращайтесь смело к ней.

Смело?! Да к этой хамке Анна в жизни не обратиться! Она никак не могла понять, почему такой человек, как Станислав Георгиевич позволяет этой женщине так нагло себя вести! Ее неприличные намеки оскорбительны!

Они поднимались по лестнице в полной тишине. От его близости и присутствия у Анны слегка подрагивали колени, а ладони взмокли. Она чувствовала, что он бросает на нее украдкой настороженные взгляды, словно изучает ее. От этого осознания губы почему-то сами расплывались в улыбке, а лицо заливалось краской. И снова зазвучала музыка... тихая мелодия, очень нежная и лирическая. Анна обязательно должна ее записать, как только ей удастся добраться до ро-яля!

Когда они вошли в отведенную ей комнату, Волков недо-уменно обвел богато обставленное помещение, словно в пер-вый раз его видел и уточнил:

– Вас устраивает эта комната? Вам удобно?

– Да, спасибо огромное, – улыбнулась Анна. – Я вам очень благодарна. За все. Станислав Георгиевич, – она шумно сглотнула и задала мучающий ее вопрос: – Что это был за человек? Почему он хотел меня... убить?

Волков отвернулся и стал нервно вышагивать взад-вперед. В ожидании его ответа Анна не смела шелохнуться. Наконец, он остановился у окна, засунул руки в карман и посмотрел вверх на ночное небо.

– Анна Александровна, вы должны выйти за меня замуж! – неожиданно выдал он.

– Простите? – Анна обомлела и даже попятилась на несколько шагов назад.

– Ваш отец прописал несколько пунктов в завещании, где говорится, что ваш будущий супруг наследует тридцать процентов акций его детища. Боюсь, брак со мной – единственный способ отвоевать обратно завод вашего отца, который у вас отобрали. Вдобавок, если вы станете носить мою фамилию, вас пальцем больше никто не тронет. Даю вам слово.

– Я не понимаю...

– Мне очень жаль, но ваших родителей и брата убили, – с полной уверенностью заявил Волков. – Эти люди обманом заставили вас подписать необходимые им документы. А вчера покушались на вашу жизнь.

– Что? Как? Нет, мне сказали, что произошел несчастный случай и...

– Это вранье, – отрезал Волков. – В скором времени я

найду тех, кто за этим стоит. И они обязательно заплатят за все, – весь облик этого решительного мужчины кричал о том, что он еле сдерживает дикую ярость, иначе давно бы разгромил все вокруг себя. – Тем не менее, чтобы вернуть вам завод, мы должны оформить брак. Естественно, фиктивный.

– Эдуард Степанович сказал, что у папы были долги, что коллекторы...

– Ваш Эдуард Степанович теперь прекрасно живет в вашем доме, который вы ему и “подарили”, – усмехнулся Волков. – Вы подписали дарственную на передачу своего личного имущества вашему адвокату.

– Я? Нет, я подписывала документы на оплату долгов. Нет! – она затрясла головой, отказываясь верить. – Он друг моего отца и... он не мог!

– “Друг” вашего отца воспользовался вами, – сказал Волков. – Думаю, он состоит в сговоре с этими людьми. Я обещаю, что верну вам все причитающееся.

Ошарашенная неожиданной новостью, Анна сжалась и в ужасе прикрыла глаза. Их убили? Всех? Даже Николашу? Невольные горькие слезы покатались ручьем по щекам. Это какое-то безумие! Четыре человека погибли из-за злосчастного завода!

– А кто мне родителей вернет? – тихо спросила Анна. – Брата? Бабушку? Может быть, вам удастся помочь мне получить наследство, но мою семью обратно вернуть вы не сможете! – Она замолчала и отвернулась, негромко всхлипывая.

– Анна Александровна...

– Вы говорите, что те, кто навредил моей семье, понесут наказание, – она сминала пальцы, пытаясь унять внезапную лихорадочную дрожь. – Но что это изменит? Разве это воскресит моих родных? Разве это поможет унять мою боль? Я потеряла их, Станислав Георгиевич. Никакой завод и никакие деньги не восполнят мою утрату.

Волков молчал. Анна позвончиком чувствовала его хмурый убийственный взгляд, испепеляющий ее спину.

– Простите, Станислав Георгиевич, но мой ответ «нет», – отрезала она, развернулась и, глядя в безумные серые глаза, затараторила. – Я очень вам признательна за то, что спасли меня от этого бандита. И за то, что приютили. Извините, за доставленные вам неудобства. В скором времени я покину ваш дом и...

Она не договорила, потому что лицо Волкова исказилась такой неприкрытой яростью, что Анна даже вздрогнула, испугавшись. Он сжал кулаки до побелевших костяшек, и ей показалось, что еще мгновение, одна секунда, и он ее ударит. Но... Станислав Георгиевич развернулся и пулей вылетел из ее комнаты...

Уже через пару часов Волков входил в тихий неприметный ресторанчик, расположенный на окраине города. Стас подал знак охране, ждать его у входа в заведение. Смотря-

щий по области криминальный авторитет по кличке Феликс, как всегда занял столик в самом дальнем углу помещения. Стас подошел к нему и приветствовал легким кивком.

– Никогда не думал, Феликс, что ты убиваешь детей, – отрезал Волков, намекая на сына Монастырского.

– Фильтруй базар, Стас, – спокойно ответил седовласый мужчина с уродливым шрамом на левой щеке.

– В машине, над которой вы поработали, находился ребенок. Больной ребенок.

Феликс недовольно поджал губы, помолчал пару мгновений и сказал:

– Я не отдавал этого приказа.

Волков опешил. В этой области ни одна криминальная разборка не проходила без ведома Феликса. Без его участия никто не смел решать, кому жить, а кому умирать.

– Ты сейчас утверждаешь, что кто-то посмел пойти в обход тебя?

Феликс злобно стиснул зубы. Достал неизменно кубинскую сигару и неторопливо стал раскуривать.

– Чего ты хочешь, Стас? – спросил он.

– Мне нужен заказчик. Мертвым.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что я так сказал, – отрезал Феликс. – И перестань рыться в этом деле, – чуть ли не отдал ему приказ. С этим жестким человеком шутки были смертельно опасны.

Обычно те, кто начинали идти против Феликса, заканчивали свою жизнь в безымянной могиле на окраине леса.

– Это угроза?

– Пока предупреждение.

– Вы убили моего друга, – процедил Волков, начиная закипать. – Мне нужна вендетта.

– Стас, уймись пока не поздно, – ответил Феликс. – Прошу по-хорошему. Я. Прошу. Могут другие. Но не так вежливо.

Территория преступной организации, в которую входил Феликс, включала в себя несколько близлежащих областей страны. В нее входили многие криминальные авторитеты, воры в законе, высокопоставленные чиновники, политики и крупные бизнесмены. Управляли организацией десять-пятнадцать главарей, называющих себя “дедами”. Они вершили судьбы, как отдельных людей, так и целых организаций. Никто не смел перечить дедам. Никто не решался выступить против них. Иначе, всех ждала неизменная участь – смерть.

– Сколько ты меня знаешь, Феликс? – хмыкнул Волков. – Лет десять? Когда это я кого-нибудь из вас боялся?

– Ты нацелился на завод? – в лоб спросил проницательный Феликс. – Тебе никто его не отдаст.

– Объясни мне одну вещь. Если вам нужен был завод, чего бы ни организовать простой рейдерский захват? Зачем целую семью в утиль списывать?

– Я знал Монастырского, – проигнорировал его вопросы

Феликс, прищурившись. – Хороший был мужик. Когда-то он организовал мне прочное алиби. Верну должок. Бери его дочь, делай ей новые ксивы и увози из страны. Срочно, Стас!

– То есть в покое вы ее не оставите? – хмыкнул Волков.

– Я не убиваю детей. В отличие от взрослых, – недвусмысленно намекнул смотрящий, что Волков теперь тоже под прицелом.

– Меня свалить будет сложнее, чем Монастырского. Ты же это понимаешь?

– То есть я прав, ты хочешь завод, – усмехнулся Феликс. – Будет война, Стас. Она никому не нужна. Отступись.

– Значит, будет война. Копите бабки, потому что у меня их больше, чем у всех вас вместе взятых.

– Зато у нас другие методы воздействия. Против нас идти ошибка, Стас. По старой дружбе я дам тебе время подумать о своем решении. Не лезь в это дело.

– Ошибкой было трогать моего друга и его семью.

– За свою семью не боишься?

– За завод я буду биться по закону, – отрезал Волков. – Феликс, я десять лет ваши бабки отмывал и за границей скрывал. У нас был и до сих пор остается отлично налаженный бизнес. Но если вы тронете хоть кого-то из моего близкого окружения, я вас уничтожу. Всех по одному. Предупреждаю: Анна Монастырская теперь входит в мое близкое окружение.

– По закону, так по закону, – тяжело вздохнул Феликс. – Мне этот завод не нужен, Стас. Но это моя территория.

– А ты уверен, что до сих пор твоя? – усмехнулся Волков. – Что-то я не помню, чтобы без тебя раньше целую семью убирали, – Стас сильно рисковал, подначивая такого как Феликс. Хотя лицо оппонента было непроницаемым, от олигарха не ускользнуло, что смотрящему по области сильно не нравится сложившаяся ситуация. Волков догадался, что вся эта схема принадлежала не Феликсу. Он лишь исполняет приказ других членов банды. Но кто тогда дергает за ниточки?

– Решение было принято на общей сходке, – увильнул Феликс от прямого ответа. Он врал, то ли прикрывая истинного виновника, то ли свою репутацию. По его лицу никогда нельзя было точно сказать, о чем он думает.

– Так вот передай на следующей вашей общей сходке: завод Монастырского станет вашим, только если я сдохну, – отрезал Волков. – А учитывая, сколько денег я для вас прячу за бугром, и какие общие дела мы с вами решаем, хорошенько подумайте, что вам важнее. Ваши бабки или моя жизнь и жизнь моих близких, – он резко встал из-за стола и вышел из ресторана.

Когда Волков вернулся в офис, Карен спросил:

– Это Феликс?

– Нет. Вряд ли, – ответил Стас. – Он никогда не трогал детей. Говорит, на общей сходке было принято решение. Но я ему не верю.

– Сурен, я боюсь ругаться с этими людьми. С ними нужно

дружить. У меня семья, дети, мама!

– Их не тронут, – отрезал Волков.

– А с чего ты так уверен?

– Потому что, Карен, все боятся потерять свои сбережения. А если хоть одного из нас обидят, они ни копейки не получают. Они это прекрасно понимают, не идиоты. Поверь мне, теперь ни один волос не упадет с нашей головы.

– Я поспрашивал за Владимира Карповича. Из всех знакомых, кто мог такое проверить, остается один Минаев.

– Мэру города не разрешили бы такое учудить в одиночку. Если только за ним кто-то стоит из дедов. Надо выяснить кто.

– Феликс?

– Нет, он его терпеть не может. Черт, теперь понятно! – догадался Волков, хлопнул себя по лбу. – Он им на блюдечке прибыльное предприятие принес! Минаева будут пропихивать в кресло губернатора.

– Охренеть! Этого извращенца, который молодых девок насирует и убивает? Крутой нас ждет губернатор! – возмущался Карен. – Сурен, может не надо, а? Давай отступимся!

– Свяжи меня с министром финансов и премьером, – приказал Волков, ухмыляясь. – Скажи, что я больше не могу оказывать помощь родине, консультируя их по финансовым вопросам.

– Ты что задумал?

Волков дьявольски улыбнулся:

– С Феликсом мы договорились воевать по закону. А он на

моей стороне. Раз деды меня прижали, я столкну их лбами.

Карен выматерился на армянском, но послушно исполнил приказ. А через пару часов к ним в офис прибыла бывший прокурор Светлана Михеева. При виде знойной горячей красотки Карен не сдержался и присвистнул.

– Вот это бравая милиция нас бережет! – с дуру ляпнул брат, пошло осматривая эффектную женщину с ног до головы. – Вы невероятно шикарная женщина! Вы такая восхитительная, прелестная... – тут же начал подкатывать к Михеевой неизлечимый кобель, провожая её к круглому столу и присаживаясь рядом.

– Я не женщина. Я бывший прокурор. Ныне юрист, – отрезала Михеева, прервав неуместные заигрывания Карена.

– Глядя на вас мне сразу перехотелось нарушать закон! – улыбался как придурок Карен, чуть ли не облизываясь.

Михеева закатила глаза и спросила:

– Станислав Георгиевич, в двух словах Аверин мне все объяснил. Документы я просмотрела. Конкретно от меня, что требуется?

– Свидание, – не унимался Карен. – Под луной, под звездами, со свечами, со мной сегодня вечером. Можно завтра, завтра я тоже свободен. И послезавтра тоже. Для вас, я всегда свободен!

Светлана бросила на него испепеляющий взгляд, скинув волосатую руку с плеча. Огромные голубые глаза знойной красотки смотрели на друга откровенным матом.

– Карен, уймись, – одернул его Волков. – Светлана Михайловна, мне нужен завод.

– Вы же понимаете, что вам никто его не подарит?

– Понимаю, но я хочу свою долю.

– Зависшие тридцать процентов по завещанию еще никому не принадлежат, насколько мне известно.

– В скором времени будут. Мне, – уверенно заявил Волков. – Во-первых, помогите моему юристу составить брачный контракт, чтобы комар носа не подточил, и всем стало с первого раза ясно, что это мое. Сразу после оформления я даю вам полную свободу действия. Аверин рекомендовал вас как прекрасного специалиста.

– Аверин давно переманивает меня в свою контору, – хмыкнула Михеева. – Чтобы меня заполучить, он готов вам наплести, что угодно.

– Это ли не доказывает ваш профессионализм?

– И красоту, и ум, и обаяние. А вы любите армянскую кухню? – тут же встрял неугомонный Карен.

– Карен! – шикнул на него Стас.

– Это вам будет дорого стоить. И я сейчас не про свои услуги, – ответила Михеева, намекая на невероятное количество взяток, которое Волкову придется заплатить чиновникам, судьям и всем, кто пожелает нажиться на этом деле.

– В бюджете вы не ограничены.

– Скажу вам сразу. Единственный выход заполучить завод – тянуть время. Скорей всего они хотят по-тихому пере-

продать предприятие за бесценок, подождать пару лет, чтобы все улеглось, а потом делать на нем деньги.

– Значит, наша цель сделать дело громким.

– Необходимо добиться организации тендера. Но это может занять годы.

– Я никуда не тороплюсь. Так вы беретесь?

– Давайте объяснимся сразу, Станислав Георгиевич, – заявила проницательная Михеева, сразу догадавшись, в чем дело. – Насколько я понимаю, за всем этим стоит одна известная всем преступная организация. Деды, правильно? В нее входит пара людей, которым я очень хочу подпортить жизнь. Один из них известный всем Феликс.

– А второй? – спросил Карен. – Светлана, я уже ревную!

– Во-первых, Светлана Михайловна, во-вторых, не важно, – отрезала она. – И если вы в конечном итоге договоритесь с ними и станете делить завод, то я сделаю все возможное, чтобы ближайшие двадцать лет империя Волкова не вылезала из проверок всех возможных и невозможных инстанций. И будьте уверены, я добьюсь своего!

– Это угроза? – Стас улыбнулся, слегка опешив. Мало находилось смельчаков, кто в открытую угрожал Волкову. Настолько красивая женщина – впервые.

– Предупреждение, – ответила Михеева. – Я берусь за это дело, по двум причинам. Первую я озвучила. Вторая: были убиты невинные люди. И ребенок. Смерть ребенка этим сукам я никогда не прощу.

– Они убили моего друга и его семью, – отрезал Волков. – Договариваться с этими людьми у меня нет никакого желания. Они завод не получат. И я не передумаю.

– Значит, мы поняли друг друга.

– Светлана Михайловна, раз вы знаете, с кем мы имеем дело... Эти люди могут... – начал Волков.

– Я бывший прокурор, – перебила его Михеева. – Вы хоть представляете, сколько раз за всю мою карьеру меня пытались запугать, купить и убить? – спокойно спросила она. – Поверьте мне на слово, я не из трусливых. Более того, мой отец – генерал. Пусть пробуют. Начиная с этого момента, если я даже случайно споткнусь, их ждет как минимум ежедневная облава всех наркоточек до скончания их дней. Как максимум, эти суки выкусят!

– Вы действительно тот человек, который мне нужен, – хмыкнул Волков. – Секретарь вас проводит в ваш кабинет.

Когда Светлана вышла, провожавший ее сальным взглядом Карен присвистнул.

– Боже, какая женщина! Смелая, красивая, умная! Я влюбился с первого взгляда, – пел дифирамбы неисправимый бабник, но вдруг осекся и замолчал. – Блядь, мы, правда, в это ввязываемся? – обреченно спросил он. – Невеста уже в курсе?

– Ты не поверишь! – Волков скривился, встал из-за стола и подошел к окну. – Мне было отказано, – он замолчал и передернул плечами: – Наверное, из-за шока. Кажется, она да-

же не поняла, что я ей говорил. Она обязательно передумает.

Карен сделал многозначительную паузу, а потом как заржал:

– Конечно девочка в шоке! А ты как хотел, Сурен? Тебе ведь тридцать восемь лет, а ты еще живешь с мамой-джан!

– Не смешно, – рыкнул Стас на этого придурка.

– Я не смеюсь, я плачу, Сурен! – угорал Карен, держась за живот и действительно вытирая выступившие слезы.

– Пошел ты...

Когда Карен успокоился и перестал прикалываться, он предложил:

– Сурен, давай мы ее на ком-то поженим другом, а? Найдем кого-то послушного и поженим. Затем дарственную на акции на тебя запишем. Сделаем, как положено в лучшем виде!

Идея была превосходной... Подставной человек уберег бы их от многих возможных проблем. Но когда Волков представил, что Анна такая нежная, такая ранимая и чувствительная, может принадлежать другому мужчине, он побледнел. Непроизвольно воображение разыгралось, и перед внутренним взором он увидел проплывающие картины: вот она смущенно улыбается какому-то парню своего возраста, вот они мило держатся за руки, этот другой дотрагивается до нее, целует ее проклятые ямочки на щеках и... его судорожное дыхание участилось, ноздри раздулись, сердце загрохотало, а по телу пронеслись жаркие волны. Волков оскалился и в

бешенстве зарычал:

– Анна Монастырская станет либо моей женой, либо станет трупом!

– Вот этого я и боюсь, Сурен, – ответил нахмурившийся Карен, веселье которого в секунду испарилось. – Очень боюсь...

Глава 5

Анна проснулась от того, что к ней в комнату ворвалась Армине.

– Вставай, принцесса! – скомандовала женщина, пристроив выглаженную одежду на пуфик около кровати. – За тобой уже приехали!

– Доброе утро, – пробормотала сонная Анна, натягивая одеяло до подбородка. – Кто приехал? И почему вы зашли без стука?

– Чтобы я еще в своем доме стучала?! – искренне удивилась Армине, стягивая с Анны хлипкую защиту, – Вставай быстрее! Я бы тебя накормила, но врач сказал, что нельзя. Так что без завтрака обойдешься! Быстрее собирайся, тебя уже ждут.

– Какой врач? Кто ждет? – не желая уступать, Анна крепко вцепилась в одеяло. Армине пожала плечами и обошла кровать с другой стороны.

– Ты должна пройти обследование. Сурен договорился с врачом. Сейчас тебя отвезут в клинику.

– Подождите, но я не хочу! И это не моя одежда! – возмутилась Анна, глядя на принесенные вещи и новое нижнее белье.

– Это тебе Сурен купил. Сказал, что после обеда завезут

еще. Скажи спасибо и собирайся быстрее.

– Где мой телефон? – нервно спросила Анна, так и не вставая с кровати. Станислав Георгиевич купил ей белье?! Какой ужас, стыдно-то как!

– Это ты у Сурена спроси. Мое дело маленькое: тебя поднять и отправить. А как обратно приедешь, я тебя накормлю, и ты сразу выздоровеешь. А то бледная, худая и немощная, – ни разу не обращая внимания на Анну, причитала женщина, – И ты не переживай, Армине о тебе позаботится. Бульон я тебе уже варить поставила. Курочка свежая и натуральная! Армине плохого на стол не положит!

– Какой бульон?! Какая клиника?! – возмутилась Анна. – Мне на работу надо!

– Я ничего не знаю. Одевайся! – чуть ли не в приказном порядке сказала Армине, вытягивая подушки и простыни из-под Анны, – Ну, чего лежишь? Уже сама с кровати не можешь встать?! Конечно, это оттого, что худая такая. А мой бульон поешь и быстро забегаешь, запрыгаешь и вскочишь. По фирменному рецепту делаю.

– Я не могу при вас... Выйдите, пожалуйста, – смущенно попросила Анна.

– Ты что стесняешься? Кого? Меня? Я тебя умоляю! Армине стесняться не надо, – засмеялась женщина, уперев кулаки в бока, даже не думая покидать комнату.

От такого хамского, беспардонного поведения, щеки Анна запылали. Эта женщина полностью лишена чувства так-

та и элементарной культуры! Девушке ничего не оставалось, как подняться с кровати и переодеваться при ней.

– Вы можете хотя бы отвернуться?! – сердилась она, когда заметила оценивающие взгляды Армине. – И прошу вас впредь, не обсуждать мою худобу, которая, между прочим, природная. Это как минимум невежливо с вашей стороны и...

– Что это у тебя?! – воскликнула Армине, подошла к ней вплотную, взяла за руку и стала рассматривать сильное покраснение на ладонях.

– Это аллергия, – объяснила Анна, выдергивая руку.

– Я вижу! На что у тебя аллергия?

– Наверное, на чистящие средства, – ответила Анна, потупив взгляд. – Я в перчатках работала, а все равно появилась почему-то.

Армине нахмурилась и ничего ей не сказала. Но пока собиралась, девушка постоянно ловила на себе задумчивые взгляды пожилой женщины. Когда Анна была готова, Армине провела ее вниз, где на первом этаже ее уже ждал охранник.

– Анна Александровна, я – Анатолий. Пройдемте со мной! – сказал высокий широкоплечий мужчина с военной выправкой.

– Простите, пожалуйста, Анатолий, но я не поеду ни в какую клинику. Я хочу домой, – заявила Анна.

– Станислав Георгиевич ясно дал понять, что...

– Мне все равно, что сказал Станислав Георгиевич, – устало ответила Анна, потирая виски. – Мне в обед нужно быть на работе. Поэтому я сейчас вызову такси и уеду. Где мой телефон?

– Вот, – Анатолий протянул ей мобильный.

– Но это не мой, – заметила Анна, взяв в руки новый телефон, в котором был вбит лишь один единственный номер.

– К сожалению, по старому мобильному можно было отследить ваше местоположение, – ответил охранник. – Поэтому в целях безопасности, мы вам его сменили. Анна Александровна, нас уже ждут в клинике.

– Я не поеду ни в какую клинику! – рассердилась она и топнула ногой. – Я хочу домой!

Анатолий несколько растерянно смотрел на нее пару секунд, затем достал свой телефон.

– Станислав Георгиевич, у нас проблема. Анна Александровна отказывается ехать. Я понял, – сказал он в трубку и протянул ей мобильный.

– Анна Александровна, вы сейчас поедете к врачу и сдадите все анализы, которые он потребует, – услышала она недовольный голос Волкова.

– Во-первых, здравствуйте! – сказала она. Ее уже стало раздражать общее бескультурье, царящее вокруг этого олигарха. – Во-вторых, мне необходимо вернуться домой. У меня работа, мне нужно захватить свои ноты, а потом у меня ночная смена и...

– Вы больше не будете работать, – отрезал Волков.

– Что?! Но как?! – удивилась Анна. – Нет, послушайте, мне нужна работа и одна, и вторая и...

– Я обо всем договорился. Вас уже уволили из ресторана и супермаркета, – он раздраженно вздохнул, давая понять, что этот разговор ему осточертел. – Анна Александровна, езжайте на обследование.

– Я не хочу! Я абсолютно здорова и, Станислав Георгиевич, я не понимаю, почему вы решили за меня, даже не спросив моего мнения! Мне нужно работать! Как вы могли так поступить...

– Передайте трубку Анатолию, – резко перебил он ее. Анна опешила и растерянно вернула мобильный охраннику. Наверное, Волков сейчас прикажет ему, отвезти ее в квартиру бабушки!

– Я понял, Станислав Георгиевич. Все сделаем, – ответил охранник, отключился и, как ни в чем не бывало, обратился к ней. – Анна Александровна, пройдемте, пожалуйста, со мной.

– Но... как же... – Анна обомлела. Он же все объяснила Волкову! Как же так можно нагло решать за нее, что ей необходимо сделать! Это возмутительно! – Я не поеду ни в какую клинику!

– Анна Александровна! У меня приказ, во что бы то ни стало вас отвезти. И я его выполню, даже если придется силой вас туда тащить, – отрезал охранник. Судя по грозному

виду этого рослого мужчины, ему ничего не стоит действительно применить к хрупкой Анне силу.

– Вай, принцесса, ты не зли Сурена, – встряла Армине, мягко обняв ее за плечи. – Раз он сказал, значит, надо делать. И привези мне потом все рецепты от врача! Я и не таких как ты выхаживала!

На последнее замечание домработницы Волкова раздосадованная Анна закатила глаза. Это уже выходило за все рамки приличия! Они ее ни во что не ставили! Относились к ней как маленькому несмышлёному ребенку! Но у нее не было сил противиться их настойчивости и непреклонности. Из-за вчерашних событий голова еще гудела, мысли путались, и Анне ничего не оставалось, как проследовать в машину. Ладно, она после объяснится с Волковым. Он же не думает, что она будет жить в его особняке!

Анну сопровождало столько охранников, что вполне хватило бы на целый пехотный батальон! Зачем так много людей? Неужели Станислав Георгиевич думает, что на нее снова попытаются напасть?! Ей еще сложно было переварить недавнее происшествие, она многого не понимала. И Станислав Георгиевич толком ничего ей не объяснил! Лишь сделал странное предложение, которое Анна не могла принять. На ее вопросы, охранники либо отмалчивались, либо просили связаться с самим Волковым.

В клинике ее также ежесекундно сопровождала охрана. Анне пришлось пройти полное обследование. Врач не обна-

ружил у девушки никаких заболеваний, кроме низкого гемоглобина и общего упадка сил. Выписал витамины, посоветовал больше отдыхать и лучше питаться. Ничего такого, из-за чего с ней нужно было так беспардонно обращаться!

– Отвезите меня, пожалуйста, домой, – попросила Анна, когда сопровождающие вывели её чуть ли не под конвоем из клиники.

– Не положено. Станислав Георгиевич приказал ехать обратно в особняк.

Кажется, все люди, работающие на Волкова, беспрекословно исполняли его приказы. Анна недовольно фыркнула, но решила позже серьезно поговорить со Станиславом Георгиевичем. Она не собирается жить в его доме! Он же не будет держать ее силой!

Они проезжали через центр города, когда Анна резко вскрикнула:

– Остановите машину!

– Не положено, – как робот ответил охранник.

– Да остановите вашу проклятую машину! – закричала она, потянувшись к ручке двери и открыла ее на ходу. Охранник чертыхнулся и резко дал по газам. Анна выскочила на улицу и встала как вкопанная у одного двухэтажного здания, расположенного в очень выгодном месте центра города.

– Анна Александровна, садьте в машину! – орал ей охранник. – Черт, объект на неохраняемой территории! – доложил он, держа в руках рацию.

Девушка не заметила, как остальные охранники выскочили из машин и стали ее окружать. Анна ничего не видела кроме грустной таблички “Закрито” на стеклянных дверях огромного магазина.

– Чисто! – один за другим мужчины осматривались кругом. – Анна Александровна, вернитесь обратно! Анна Александровна, вы меня слышите?! Черт... срочно набери шефа!

Нет, Анна никого из них не слышала. Она заворуженно смотрела на пустые витрины самого первого папиного ювелирного магазина “Монарх”. Она помнит, как до открытия он привел ее, шестилетнюю девочку, и с гордостью показывал свое детище. Улыбающийся папа усадил дочь прямо на прилавок, затем достал большую черную коробку, открыл ее и сказал: *“Выбирай, Аннушка, какие тебе нравятся?”*. А потом засиял от отцовской гордости, когда рука девочки сама потянулась к маленьким золотым сережкам-гвоздикам в форме буквы “М”.

“Никогда в тебе не сомневался, дочь!” – сказал абсолютно довольный отец и повел ее в салон красоты. Он держал ее за руку, пока ей прокалывали уши, затем с глубокой нежностью вытирал ее детские слезы. *“Ну-ну, Аннушка, ты – Монастырская! Никогда не забывай об этом!”* – шептал папа, утешая девочку. *“Обещай мне одну вещь, не меняй свою фамилию! Даже когда выскочишь замуж, ладно?”* – попросил ее папа, и маленькая Анна послушно закивала в знак согласия. *“И запомни, деньги приходят и уходят. Их можно зара-*

ботать, их можно потерять, это не главное... Главное сохранить честь и достоинство на всю жизнь, поняла?" Маленькая Анна снова согласилась, про себя радуясь, что папа обещал ей после болезненной процедуры купить самую большую и вкусную порцию ванильного мороженого. А еще, она как самая настоящая леди пошла в кафе, где обычно сидели только взрослые. Папа хохотал, глядя как маленькая Аня уплетает лакомство за обе щеки, пачкая при этом свой курносый носик, рот и подбородок. *"Только маме не говори"* – заговорщицки шептал ей отец, когда пришло время возвращаться домой.

Аня никогда не сдавала папу и стойко держала оборону перед строгой матерью, которой не нравилось, что муж водит малолетнюю дочь по дорогим заведениям. Аня увиливала и прямо не отвечала ни на один мамин вопрос. Потому что они с отцом были настоящими друзьями, а друзей не предают. Даже если ругались, все равно она всегда знала, что в конечном итоге, они с отцом помирятся. У нее был самый лучший папа в мире... Безумно любящий...

Анна подняла трясущуюся ладонь к ушам и дотронулась до небольших сережек в форме буквы "М". Она до сих пор их носила. Как память о том чудесном и радостном дне, как символ принадлежности к громкой фамилии. Анна тяжело задышала, жадно глотая свежий весенний воздух. Что-то внутри нее, чему она не могла дать названия, всколыхнулось и вспыхнуло, словно раскаленная вулканическая лава. Она –

Монастырская, черт возьми!

Ее любимая бабушка всегда говорила, что главное в жизни не загрузеть душой, не поддаться гневу, не позволять разрушать себя и окружающий мир вокруг обидой. Оставить сердце открытым для прекрасного, светлого, доброго. А еще она верила, что злых людей по природе не бывает. Плохие поступки они совершают от боли. Бабушка была наивной. Люди злые, черствые и жестокие. У Анны отобрали родных. У нее украли то, что годами принадлежало ее семье. Девушка не была душой и не верила, что таких людей можно посадить за убийство ее близких и по закону добиться справедливости.

Ее выставили вон из собственного дома, словно собачонку, так почему же Анна должна с легкостью отдать им папин завод? Собственноручно загубить дело его жизни, в которое он вложил душу? Эти изверги воспользовались ее горем и обманули, когда она была под влиянием нервного срыва. Но теперь-то Анна в порядке. Нет, она не имеет права сдаваться! Анна должна вернуть то, что принадлежит Монастырским! За глупое “ненавижу” папа ее простил бы, наверное... он всегда ее прощал... Но он сгорел бы от стыда за дочь, если бы узнал, что Анна не боролась за его наследие!

– Станислав Георгиевич, она стоит и не двигается... и я не очень уверен, что она в сознании! Что мне делать?! – донесся рядом голос охранника. – По периметру все чисто, но...

– Дайте трубку, – шепотом попросила она, не отводя

взгляда от магазина.

– Анна Александровна, вернитесь немедленно в машину. Там небезопасно, – отчеканил Волков низким громовым голосом.

– Станислав Георгиевич, – ответила она, нервно сглатывая, – Ваше предложение еще в силе?

Гробовая тишина, донёсшаяся из трубки, заставила ее задрожать от страха. А вдруг он уже передумал? Вдруг Волков посчитал, что его предложение слишком опасное или невыполнимое? Он изменил свое решение? Так быстро? Она опоздала с ответом? Почему он молчит целую вечность?!

Анна снова услышала в голове мелодию Вивальди... она начиналась очень тихо, как яркие вспышки молнии и раскаты грома вдалеке: предвестники надвигающейся грозы и буйного шторма в океане. Нет, он не мог передумать! Человек, который спас ее, вытащил из рук киллера и обещавший страшную расплату за ее смерть, не мог так легко и быстро сдаться!

– Да, – наконец, послышался уверенный ответ.

– Я согласна, – с облегчением выдохнула она, прикрыв глаза. – Я выйду за вас замуж!

Анну сразу повезли в офис холдинга Волкова. В большом конференц-зале ее ожидал не только Станислав Георгиевич, но еще невероятно красивая женщина, напоминавшая саму Анжелину Джоли. Жгучая брюнетка, одетая в деловой ши-

карный костюм, была яркой, эффектной и очень сексуальной, то есть полной противоположностью Анны.

Когда девушка вошла, эти двое мило беседовали. Женщина громко рассмеялась над тем, что сказал ей Волков. Он же выглядел весьма довольным и расслабленным. И даже широко улыбался этой красавице. Анна непроизвольно поджала губы. Снова ее поразило непонятное, ранее не испытанное чувство, острое и отчего-то болезненное. В этот момент Анна сильнее стало не хватать мамы, которая бы точно прояснила, что с ней творится. Мамочка...

Ее грациозная, необыкновенно элегантная мать всегда умела нравиться окружающим. Когда она входила в помещение, даже не самые воспитанные и культурные мужчины вставали, отдавая ей дань уважения, и восхищенно провожали взглядом, когда она покидала комнату. Папа также относился к жене с особым почтением и трепетом. Он всегда с признательностью целовал ее руку и никогда не был груб с женой.

Кроме идеальных манер и культуры, мама пыталась научить дочь женственному поведению, но вот только Анну такая ерунда никогда не интересовала. Кроме музыки ее мало что волновало. Но теперь, глядя на неотразимую женщину рядом с Волковым, девушка пожалела, что слушала мамины советы в пол уха. Вот кто действительно достоин стать рядом с таким импозантным мужчиной – эта роскошная женщина чуть за тридцать. По непонятной причине Анну страшно

раздражал тот факт, что эта пара вместе выглядит потрясающе!

Когда Станислав Георгиевич представил их друг другу, адвокат Михеева стала зачитывать условия брачного договора. Волков обязался полностью обеспечивать свою фиктивную жену до тех пор, пока не вернет завод в ее полное владение. Развод мог быть осуществлен только после того, как законным владельцем предприятия станет Анна. Она же была обязана подписать дарственную на передачу прав управления своему фиктивному мужу. В последствии ей гарантировали отчисление процентов с прибыли завода.

Анну разозлил даже не тот факт, что условия брачного договора были уже составлены без учета ее мнения. Ее возмущало поведение Светланы Михеевой, которая после приветствия даже не взглянула в ее сторону, а все пункты зачитывала, обращаясь непосредственно к Станиславу Георгиевичу. Словно Анны в комнате вообще не существовало! А то, как адвокат чуть ли не заискивающе заглядывала в рот олигарху и крайне мило улыбалась ему, заставляло Анну с силой сжимать кулаки под столом до побелевших костяшек.

– После замужества Анна Монастырская обязуется взять фамилию мужа и именоваться Волковой, – неожиданно выдала Светлана Михайловна.

– Никогда! – мгновенно выкрикнула ошарашенная Анна, подскочив с места.

– Анна Александровна, мы же договорились... – проце-

дил сквозь зубы Волков, явно начав сердиться.

– Мы договорились, что я выйду за вас замуж. О смене фамилии речи не было и быть не может!

– Вы понимаете, что только моя фамилия может уберечь вас от этих людей? Они должны знать, что вы – моя жена и...

– Так сообщите им, – отрезала Анна, пожав плечами и присаживаясь. – Я менять фамилию не буду!

– Детский сад какой-то! – вспыхнул Волков, с силой стукнув по столу. Он вскочил из-за стола и напряжённо прошёлся взад-вперед, недовольно засунув сжатые кулаки в карман. Остановился и резко наклонился к Анне, внимательно вглядываясь в ее лицо: – Анна Александровна, я целый день трачу на то, чтобы убедить вас, что вы в опасности! Вы не понимаете, с кем мы имеем дело...

– Станислав Георгиевич, – Анна с шумом сглотнула и опустила голову. – Уж кто-кто, а я прекрасно осведомлена, какую боль эти нелюди способны причинить другим. Они убили мою семью. Они забрали то, что по праву принадлежит мне. Они отняли у меня всё! Фамилию они у меня не отнимут! Монастырской родилась, ею и умру! – упрямо настаивала она. Он отшатнулся, сложив руки на груди.

На нее уставились злые серые глаза, которые обладали чуть ли не гипнотическим воздействием. Его убийственный взгляд пригвоздил ее к месту, и Анна не смела шелохнуться. Снова очень странные и непривычные ощущения рядом с этим грозным мужчиной захлестнули ее. Анна всегда чув-

ствовала себя под защитой. Папа никогда никому не позволил бы обидеть свою принцессу. Страх... вот уже неоднократно ее тело подавало тревожные сигналы опасности в присутствии олигарха. Странно, ведь он спас ее, а она все равно не могла до конца расслабиться, особенно когда он смотрел на нее вот так как сейчас. Дико. Зло. Необузданно. И волнующе одновременно.

– Есть предложение, – осторожно встряла Светлана Михайловна. – Монастырская-Волкова? Если всех устраивает...

– Меня устраивает, – процедил он сквозь зубы, не отводя безумного взгляда от девушки. – Вас, Анна Александровна, все устраивает? – нарочито почтительно обратился он, словно издеваясь над ней. – Будут сегодня еще неожиданные сюрпризы?!

Он снова разговаривал с ней как с несмышленным ребенком, что Анну жутко разозлило. Естественно, взрослый опытный мужчина не признавал в ней ровню. Зато с роскошной адвокатшей флиртовал как законченный Дон Жуан! Фу! Анне настолько сильно захотелось ему досадить, что ей стало даже страшно от собственных мыслей.

– Я хочу жить в своей квартире, – сказала Анна, вздернув подбородок.

– Не говорите глупостей. В моем доме вы в полной безопасности. И это, Анна Александровна, не обсуждается, – он резко отмел ее предложение.

– Я не могу жить в доме, где нет рояля, – заявила Анна. Волков с адвокатом переглянулись, и на нее непонимающе уставились уже две пары удивленных глаз. – Что? Я люблю музыку. Я живу музыкой. Мне нужен рояль! Дом, в котором не звучит музыка, это не дом, а помещение!

На ее смелое заявление Волков открыл рот, и Анне показалось, что он сейчас наорет на нее. Однако он облизнул тонкие губы, шумно выдохнул, явно пытаясь успокоиться, и выплевывая каждую букву, заверил:

– Я куплю вам чертов рояль. Это все?

– Нет, – Анна выдавила из себя милую улыбку. – Я хочу продолжить свое обучение в консерватории.

– Это мы обсудим потом.

– Нет, это мы обсудим сейчас, – настаивала Анна, – Более того, внесем этот пункт в контракт. Я хочу и буду заниматься своей музыкальной карьерой.

– Я же сказал, что мы обсудим это вне контракта и ... Анна Александровна, вы отнимаете у занятых людей ценное время. Подписывайте проклятый договор!

– Один “друг” моего отца обманом лишил меня моего дома, наследства и личных сбережений. У меня забрали даже мамины фамильные драгоценности, которые передавались из поколения в поколение в моей семье, – она замолчала на секунду, собравшись с духом и, несмотря на дрожащие колени, продолжила. – Мне нужны гарантии, что в этот раз мои интересы не будут ущемлены.

– Девочка, – надменно обратился к ней Волков с издевательской фамильярностью. – Я же могу тебя сейчас выставить нах... вон из кабинета! – от произнесенного матерного слова щеки Анны залились ярким румянцем. С ней никто не позволял себе разговаривать в подобном тоне! Никогда! Первым ее желанием было выскочить из конференц-зала и громко хлопнуть дверью. Но Анна решила не опускаться до вульгарного уровня явно вышедшего из себя Волкова.

– Я не в силах, Станислав Георгиевич, вам что-либо запретить, – спокойно и с достоинством ответила она. – Но мой отец уверял, что вы партнер надежный и благородный. И если уж дали слово, то сдержите его во что бы то ни стало. Насколько мне помнится, вчера ночью, – Анна специально остановилась на этом слове, чтобы присутствующий в кабинете адвокат перестала бросать на несносного олигарха настолько откровенные и неподобающие взгляды. – Мне было обещано сохранение моей жизни, возвращение наследства и наказание виновных в смерти моих близких. При всем уважении, Станислав Георгиевич, будет безмерно жаль, если мой доверчивый отец повторно ошибся в выборе своих друзей.

Краем бокового зрения она увидела, что рот теперь открылся у ошеломленной Михеевой. Кажется, женщина даже тихо хихикнула. А вот на Волкова Анна смотреть не решалась. После ее дерзкого, даже наглого заявления, пространство комнаты угрожающе сузилось, а в голове тут же за-

звучала шестая симфония Чайковского. Патетическая, которая была своего рода посвященна приближающейся скорой смерти. Анна тут же пожалела о своих словах. Во-первых, если бы не Станислав Георгиевич, ее бы вчера убили. Во-вторых, из всех состоятельных и могущественных друзей отца, он единственный, кто протянул руку помощи бедной сироте. Он не заслуживал этих несправедливых слов. Анна хотела было уже извиниться за свой едкий выпад, как услышала громовой бас:

– Светлана Михайловна, добавьте в контракт пункты, о которых так любезно попросила Анна Александровна.

Адвокат вышла из конференц-зала, и Анна с ужасом подумала, что осталась наедине с разъяренным Волковым. Он оперся на мужественную руку, угрожающе согнувшись над девушкой. От его близости по телу пробежала волна мелких волнующих мурашек, а в нос ударил приятный запах его мускусного? парфюма с легкой кислинкой. Анна уставилась на его длинные пальцы и отчего-то подумала, что его крупная ладонь точно бы справилась с легато в две, а то и три октавы. А так же, вполне могла бы придушить ее в одно мгновение.

– Меня отец просил не менять фамилию после свадьбы, – набравшись смелости, пролепетала она. – Я не хотела вас обидеть. Правда. Просто... после всего, что случилось... я... на меня что-то нашло... и мне... я...

– Вы больше никому не верите, – подытожил ее невнятное объяснение, быстро взявший себя в руки Волков.

– Мне страшно, – честно призналась она. – И я не совсем понимаю... зачем вы это делаете? Почему выручаете меня?

– Я мог помочь вашему отцу, но находился за границей. Если бы я никуда не уехал, он был бы жив, – признался Волков, отводя от нее взгляд.

– Вы ни в чем не виноваты, – прошептала Анна, нервно теребя пальцы. – Если бы не вы... вчера меня могли убить. Я уверена, что папа был бы вам очень благодарен за то, что вы оказались рядом со мной. И я еще раз прошу прощения, если я вас задела и...

– Анна Александровна, никогда не извиняйтесь за то, что защищаете свои интересы, – перебил Волков, ухмыляясь. – Вы не правы. Ваш отец никогда не был доверчивым. Он был порядочным, но достаточно... упертым партнером.

Олигарх деликатно намекнул, что папин характер зачастую был откровенно скверным, а о его упертости можно было слагать легенды. Анна улыбнулась. А затем ее плечи опустились, улыбка померкла, а глаза моментально увлажнились.

– Станислав Георгиевич, а вы, правда, их накажете? – спросила она, вглядываясь глазами полными слез в жесткое, но красивое мужское лицо. В этот момент ей показалось, что Волков перестал дышать. Он долго смотрел на нее, не отрываясь, затем медленно перевел взгляд на ее губы. Олигарх снова стал напоминать хищника перед нападением на жертву. Когда воздух наполняется острой опасностью, все мыш-

цы напряжены, а зверь замер на мгновение перед стремительной атакой. От его пронзительного чувственного взгляда рот девушки приоткрылся сам собой, и Анна невольно облизнула губы. Ее сердце грохотало, щеки снова залились румянцем, а по телу пробежала непонятная волна предвкушения. Ноздри мужчины расширились, кадык дернулся, а зрачки увеличились. Казалось, пройдет еще секунда, и Станислав Георгиевич... ее поцелует!

– Все готово, – прервала это сущее безумство, входящая в кабинет Михеева. Олигарх резко отошел от девушки и сел в кресло рядом с адвокатом. Она подвинула им документы, и после того как они поставили подпись, Волков деловым тоном сообщил:

– Анна Александровна, на этом все. Вас сейчас отвезут домой.

Он даже не взглянул на нее! Все его внимание теперь сосредоточилось на улыбающейся ему Михеевой. Он пылко благодарил ее за помощь и даже галантно поцеловал руку! От обиды щеки Анны вспыхнули, она почувствовала себя надоедливой маленькой собачонкой, от которой постарались быстрее избавиться и резво указали на дверь.

– Конечно. Спасибо вам, Станислав Георгиевич, за то, что вошли в положение и приняли мои условия. А также за купленные вами мне вещи. И нижнее белье. Особенно за него. Оно просто восхитительное! Вы точно угадали с размером, – она заставила себя мило улыбнуться. – Не буду больше вас

задерживать. Удачного вам дня. Жду вас с нетерпением дома!

Брови Волкова удивленно поползли вверх. Анна же, не решившись сегодня больше злить этого властного мужчину, развернулась и победоносно вышла из кабинета. Ее уверенность в мгновение улетучилась по дороге домой. Не нужно было этого говорить. Это было неуместно, бестактно и глупо! Господи, да что же с ней творится?! Благодарить мужчину за подаренное нижнее белье, да еще и в присутствии постороннего человека! Стыдно-то как! С другой стороны, он ей сам сказал, чтобы она училась отстаивать свои интересы. Только Анна не совсем понимала, когда, а главное, каким образом в круг ее личных интересов кроме музыки попал такой мужчина, как Станислав Волков?

В тот день олигарха Анна больше не видела. Как и последующие недели до предстоящей свадьбы. Куда он пропал, где ночевал и чем был занят, Анна не знала. Зато вокруг нее постоянно крутилась Армине, которая пыталась ее откормить, готовя различные сытные блюда. А еще следила за тем, чтобы Анна принимала все прописанные витамины. Девушка не сразу догадалась, что вечные причитания и ворчание пожилой женщины являются ее манерой общения, а не показателем скверного характера.

– Я больше не могу, – говорила Анна, отодвигая тарелку от себя.

– Принцесса, ну скушай еще пару ложек! Ну что ж ты худая такая, а? А если опять в больницу слегешь, Сурен мне голову оторвет. А люди что скажут? Скажут Армине плохо кормила, Армине не уследила! А ты ж ешь как птичка! Скушай, девочка, еще ложечку!

А еще на ночь, на столике у кровати у Анны регулярно появлялся поднос с молоком и вкуснейшим, нежным печеньем. По какой-то неведомой причине Армине решила, что настоящие принцессы, в кои она зачислила девушку, обязательно перед сном должны поесть сладкого и запить теплым напитком. Несмотря на холодный прием в самом начале, изголодавшаяся по элементарной человеческой заботе, Анна прониклась бестактной и крайне невоспитанной пожилой женщиной. Вопреки обычно резким словам, Армине показалась девушке в целом добродушной, простой, хорошей женщиной. А может, Анна просто чувствовала себя жутко одиноко в этом огромном особняке, похожем на неприступный холодный замок.

В скором времени Анне привезли шикарное свадебное платье от известного и дорогого дизайнера. От Армине девушка узнала, что готовится огромный прием, на котором будет присутствовать вся элита столицы. Она догадалась, что Волков, организуя пышное мероприятие, таким образом, оповещает врагов ее отца о том, что теперь законно претендует на тридцать процентов акций ювелирного завода. И снова девушку никто не спрашивал, какой свадьбы ей бы хоте-

лось... Все завертелось слишком быстро, и Анна поддалась течению меняющихся обстоятельств в ее жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.